

ISSN 2541-9803

**ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022
№ 1(18)

**ART LOGOS
(THE ART OF WORD)**

SCIENTIFIC JOURNAL

No. 1(18)
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)

2022
№ 1
(18)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
3 февраля 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68617

Журнал издается
с 2017 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

М. Вержбицка, доктор филологии, Польша
С. Г. Гренье, доктор филологии, профессор, США
А. Десперманн, доктор филологии, профессор, Германия
А. А. Карпов, доктор филологических наук, профессор, Россия
А. В. Жуков, доктор филологических наук, профессор, Россия (главный редактор)
Н. Н. Кознова, доктор филологических наук, профессор, Россия
С. Л. Слободнюк, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, Россия
И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, Россия
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент, Россия

*Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии
с требованиями для авторов, установленными редакцией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими
мотивированный отказ в опубликовании.*

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
тел. +7(812) 451-91-76
<http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
ART LOGOS
(THE ART OF WORD)

2022
№ 1
(18)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
February 03, 2017

The certificate
of the mass media registration
ПН № ФС77-68617

The journal is issued
since 2017
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

M. Wierzbicka, Doctor of Philology, Poland
S. G. Grenier, Doctor of Philology, Professor, USA
A. Deppermann, Doctor of Philology, Professor, Germany
A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia
A. V. Zhukov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia (chief editor)
N. N. Koznova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia
S. L. Slobodniuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
I. A. Sternin, Doctor of Philology, Full Professor, Russia
M. V. Yagodkina, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-91-76
<http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>М. А. Жиркова</i> Поэтические экфрасисы в римских стихотворениях Саши Черного 1925–1928 годов	6
<i>Л. И. Вигерина</i> Агиографическая традиция в изображении праведников в «Задуманных рассказах» П. В. Засодимского	19
<i>Н. Н. Балашова</i> Тема красоты мира в явлении женщины (на материале произведений Н. В. Гоголя).....	33
<i>А. Э. Васильева</i> Рассказы В. С. Маканина «Пойте им тихо» и «Ключарев и Алимускин» и литературная традиция	43

ЛИНГВИСТИКА, СИСТЕМА СМИ, ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

<i>М. В. Ягодкина</i> Формирование персональной идентичности в рекламной коммуникации.....	52
<i>Х. А. Х. Хефни</i> Коннотация зоонима «волк» в русских и арабских пословицах и поговорках.....	57

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>О. Н. Красникова</i> Интегрированные уроки иностранного языка в начальной школе	67
<i>В. А. Левченко</i> Использование фразеологических единиц в преподавании китайского языка	79
Сведения об авторах	83

Contents

LITERARY STUDIES AND FOLKLORISTICS

<i>Marina A. Zhirkova</i> Poetic ekphrasis in Roman poems by Sasha Cherny 1925–1928	6
<i>Lyudmila I. Vigerina</i> The hagiographic tradition in the depiction of the righteous in P. V. Zasodimsky	19
<i>Natal'ya N. Balashova</i> The theme of the beauty of the world in the phenomenon of a woman (based on the works of N.V. Gogol)	33
<i>Anastasiya E. Vasil'eva</i> Stories by V. S. Makanin “Sing to them softly” and “Klyucharev and Alimushkin” and literary tradition	43

LINGUISTICS, MEDIA SYSTEM, LANGUAGE STYLES

<i>Mar'yana V. Yagodkina</i> Formation of personal identity in advertising communication	52
<i>H. A. Hafiz Hefni</i> The connotation of the zoonym "wolf" in Russian and Arabic proverbs and sayings	57

INTERCULTURAL COMMUNICATION, LINGUODIDAKTIKA

<i>Olesya N. Krasnikova</i> Integrated foreign language lessons in elementary school.....	67
<i>Veronika A. Levchenko</i> Using Phraseological Units in Teaching Chinese	79
About Authors	84

УДК 821.161.1-1"1925/1928"
ГРНТИ 17.07.25
DOI 10.35231/25419803_2022_1_6

М. А. Жиркова

Поэтические экфрасисы в римских стихотворениях Саши Черного 1925–1928 годов

В статье представлен анализ экфрастических стихотворений Саши Черного, посвященных Риму. Объектами поэтических описаний становятся архитектурные объекты: площади, фонтаны, виллы. Экфрасисы представляют собой субъективное видение, которое раскрывает не столько объект внимания поэта, сколько восприятие и переживания лирического героя и авторское отношение к изображаемому. Мотив памяти пронизывает римские стихотворения Саши Черного, из сердца которого не уходит боль от расставания с родиной, поэтому в экфрастических описаниях происходит сочетание восхищения красотой Рима и тоски, которая прорывается в настроении лирического героя.

Поэт не может забыть о недавнем прошлом, поэтому находясь в Италии, он мысленно возвращается домой, в Россию, что отражается в его стихотворениях, в которых в римские реалии проникают русские дети, литературные герои русской классики, а в мечтах поэта даже исконно русский Псков. Отсюда проистекает многомерность и противоречивость образа Вечного города в римских стихах Саши Черного.

Ключевые слова: Саша Черный, Вечный город, экфрасис, фонтан, лирический герой, мотив, литература русской эмиграции.

Marina A. Zhirkova

Poetic ecphrasis in Roman poems Sasha Cherny 1925–1928

The article presents an analysis of Sasha Cherny's ecphrastic poems dedicated to Rome. The objects of poetic descriptions are architectural objects: squares, fountains, villas. Ekphrasis are a subjective vision that reveals not so much the object of the poet's attention as the perception and experiences of the lyrical hero and the author's attitude to the depicted. The motif of memory permeates the Roman poems of Sasha Cherny, from whose heart the pain of parting with the motherland does not go away, therefore, in ecphrastic descriptions there is a combination of admiration for the beauty of Rome and longing, which breaks through in the mood of the lyrical hero. The poet cannot forget about the recent past, therefore, being in Italy, he mentally returns home, to Russia, which is reflected in his poems, in which Russian children, literary heroes of

Russian classics penetrate Roman realities, and in the poet's dreams even primordially Russian Pskov. Hence the multidimensionality and contradictory nature of the image of the Eternal City in the Roman verses of Sasha Cherny.

Key words: Sasha Cherny, Eternal City, ephrasis, fountain, lyrical hero, motive, literature of Russian emigration.

Путь поэта-сатирика Саши Черного (Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) в эмиграцию начинался с Германии, где они с женой прожили три года, пока экономический кризис не заставил их искать нового прибежища. Благодаря приглашению вдовы Леонида Андреева они попадают в Рим, где пробудут совсем недолго: около года – зарождающийся фашизм, отсутствие русских изданий и читателей подтолкнут супругов покинуть Италию. Последним приютом для них станет Франция [4].

Стихотворений, созданных поэтом в Италии, немного: это два небольших поэтических цикла «Римские камеи» (1923) и «Римские офорты» (1924), а также несколько отдельных стихотворений. За время пребывания поэта в Риме были опубликованы только «Римские камеи» («Сегодня», Рига, 1923). Написанные под впечатлением от прогулок по Вечному городу, знакомства с культурой и природой Италии стихотворения Саши Черного печататься будут позднее, после его переезда во Францию, в парижских изданиях: «Русской газете», «Последних новостях» – под рубрикой «Из римской тетради», «Римские офорты» или «Римские дни». Окончательное название так и не сложится, и стихотворения не составят отдельный поэтический сборник. К римской теме поэт будет возвращаться и после отъезда из Италии, можно обозначить период создания стихотворений, посвященных Вечному городу, это 1923–1928 годы. Причем, позднее стихи пишутся как воспоминания о прошлом, но в них сохраняется эффект присутствия лирического героя в Риме в настоящем.

В отличие от поэтических циклов «Римские камеи» и «Римские офорты», в которых зафиксированы первые впечатления от пребывания Саши Черного в Италии, в следующих римских стихотворениях читателю представлены не мгновенные эскизы и легкие зарисовки, а наблюдения и размышления поэта, теперь происходит всматривание в окружающий мир. Большая часть стихотворений представляют собой экфрасисы, то есть литературное описание «визуальных объектов (реальных или вымышленных), особенно визуальных произведений искусства. <...> в широком смысле это словесное описание любого рукотворного предмета: храма, дворца, щита, чаши, статуи или картины» [16, с. 301] или, по выражению О. Фрайденберг, «буквальное “воспроизведение воспроизведения”, так сказать, сугубая репродукция, “изображение изображения”» [13, с. 250]. Объектами поэтических описаний в римских стихотворениях Саши Черного становятся архитектурные объекты: площади, фонтаны, виллы.

Увиденная сквозь чугунную решетку старая вилла привлекает тишиной и прохладой в стихотворении «**Старая вилла**» (1925). Стихотворение лишено подробного описания, как самой виллы, так и фонтана, скульптур, украшающих сад. Они лишь обозначены отдельными деталями. Перед нами дискретный экфрасис, по классификации Е.В. Яценко, когда «описание прерывно, рассеяно на некотором пространстве текста, чередуется с повествованием» [18, с. 51]. В силу этого атрибутировать виллу из стихотворения Саши Черного не представляется возможным, она – одна из многих старых римских вилл.

Лирический герой сначала представляет себя ее хозяином, а потом мечтает об отдыхе и развлечении здесь русских детей. Итальянские виллы создавались в гармонии с окружающим ландшафтом: они органически вписывались в природную среду, располагались на склонах гор и холмов, с которых открывался прекрасный вид. Перед виллой разбивали сад, по периметру которого сажали деревья с густой, не проницаемой для солнца листвой [9, с. 18]. Старую виллу в стихотворении Саши Черного окружают вечнозеленые эвкалипты, здесь растут хвойные кипарисы и пинии. Дом построен с террасой и рядом колонн вдоль стен, он находится в глубине сада. В классическом итальянском саду, по мнению исследователей, большое внимание уделялось его архитектурному облику. Так, основу сада составлял замкнутый с четырех сторон колоннами портик, окружавший открытый двор [9, с. 21]. Непременными элементами декора сада были фонтаны и декоративная скульптура. Мраморные изображения античных богов украшали террасы, аллеи, фонтаны. Лирический герой из стихотворения Саши Черного называет статуи Париса, Венеры, Дискобола, Дианы. Сквозь крону эвкалипта виден фонтан с наядами:

Эвкалипты пышной кроной
Ветви вниз струят,
И фонтан струей бессонной
Моет грудь наяд [14, с. 190].

Увиденное рождает в воображении лирического героя фантастическую картину. В итальянском пространстве появляется русский самовар, из которого мечтает пить чай по утрам новый обитатель виллы. Скульптуры богов входят в окружение русского эмигранта:

Там, где розы вокруг Париса
Расточают страсть, –
На траве у кипариса
Повалялся б всласть [14, с. 190].

Кажется, что в фантазии поэта античные статуи оживают в желании лирического героя под охраной римских богов приветствовать закат «флейтами стихов» и познакомить Венеру с пушкинским «Онегиным». В дальнейшем его мечты переключаются на русских детей: «Сто детей бездомных русских / Здесь бы поселить!» [14, с. 191]. На большом лугу можно водить хоровод и играть в лапту, пятнашки, кошки-мышки, жмурки, чехарду, даже плескаться в фонтане. Потом учиться считать, читать и писать по-русски, а вечером засыпать в звонкой тишине. Боль за русских детей, лишенных родного крова, забывающих на чужбине русские слова и свою родину, никогда не покидала поэта. Так, он пишет А. И. Куприну: «Хотелось бы все-таки для детей еще что-нибудь состряпать: они тут совсем отвыкают от русского языка, детских книг мало, а для них писать еще и можно и нужно...» [7, с. 216]. Саша Черный действительно в эмиграции много пишет для детей: «Детский остров», «Кошачья санатория», «Дневник фокса Микки», «Чудесное лето» и другие замечательные книжки.

Но старая вилла не может принять русских детей: «Засов чугунный / Крепко заперт вход», она заброшена и необитаема: «Заколочены все двери» [14, с. 191]. Радостные видения фантазий и грез в сознании лирического героя сталкиваются с покинутым миром виллы, и возникает жуткая картина смерти: мертвый парк, мертвые воды фонтана, а сама вилла – старый склеп. Это сравнение приводит к страшным выводам: «Боги – в язвах, люди – звери» [14, с. 191]. Мраморная скульптура со временем темнела и покрывалась черными пятнами: мрамор, как губка, может впитывать в поры влагу, пыль, грязь из окружающей среды, поэтому возникает ощущение, что скульптура больна. Невозможность воплощения фантазий, осознание горькой реальности создает у лирического героя подобное настроение и ожесточенный взгляд на мир и людей.

Позднее стихотворение «**Школа Дианы**» (1928) становится своеобразной репликой на невоплощенные фантазии, представленные ранее. Мечта увидеть детей, которые живут, учатся или отдыхают на вилле, теперь частично реализована. А.С. Иванов в комментариях к римским стихам Саши Черного отмечает, что в 1920-е годы на вилле Боргезе находилась школа пластики и танца [5, с. 464]. Вилла Боргезе – огромный парковый комплекс с дворцом, садами, фонтанами, античными скульптурами, но об этом в стихотворении почти не сказано ни слова. Главным становится описание девочек, занимающихся танцами, беззаботных детей, резвящихся на природе. Оно лишено поэтического экфрасиса, поэтому только упоминаем о нем, не анализируя его подробно.

Экфрасисы Саши Черного представляют собой всегда субъективное видение, которое раскрывает не столько объект его внимания, сколько восприятие и переживания лирического героя и авторское отношение к изображаемому. По мнению Т. Е. Автухович: «В экфрасисе, таким образом, проявляется самопознающая и авторефлексивная природа искусства» [1, с. 6]. Прошло пять лет со времени отъезда Саши Черного из России. Первые после-революционные годы поэт жил на хуторе в Литве, по-видимому, в ожидании скорого прекращения режима новой власти. Предэмиграцией называет этот отрезок жизни поэта В.М. Соловьев [12, с. 10]. До революции Литва входила в состав Российской империи, поэтому, возможно, воспринималась как часть родины. В 1918–1919 гг. Литовское королевство, а позднее республика добивается независимости. Только в 1920-м году поэт решится на отъезд в Германию, тогда и начинается его эмигрантская одиссея. Пять лет – небольшой срок, чтобы успокоиться, забыть и принять новую действительность.

Подтверждение этому следующее стихотворение «**На площади Navona**» (1925). Оно состоит из двадцати строк и делится на две равные части. Первая представляет собой прямой экфрасис. В стихотворении Саши Черного речь идет об одной из прекрасных площадей Рима – пьядца Навона – со знаменитыми тремя фонтанами: самым большим центральным – Четырех рек и симметрично расположенными фонтанами Нептуна на севере площади и Мавра в южной ее части.

Над головами мощных великанов
Холодный обелиск венчает небосвод.
Вода, клубясь, гудит из трех фонтанов,
Вокруг домов старинный хоровод [14, с. 192].

По мнению Л. Геллера, «Экфрасис – это не исключительно, но в первую очередь – запись последовательности движений глаз и зрительных впечатлений» [2, с. 10]. В стихотворении представлен панорамный охват: взгляд лирического героя охватывает всю площадь, постепенно поднимаясь ввысь, устремляясь к ее вертикальным доминантам: египетскому обелиску в центре фонтана Четырех рек и церкви Сант Анъезе, расположенной передним:

И храм торжественный, весь – каменный полет,
Колонны канделябрами вздымая,
Громадой стройной к облаку плывет... [14, с. 192].

Затем взгляд снова возвращается на пьядца Навона и провожает патруль карабинеров, покидающий площадь, это завершает ее описание. Таким образом, в первой части стихотворения присутствуют восхищение и потрясение величием и красотой, открывающихся каждому на площади Навона.

Вторая часть лишена спокойного описательного тона экфрасиса. От визуальных образов поэт переходит к внутренним переживаниям, на первом плане оказываются чувства и эмоции лирического героя, отсюда восклицательные знаки и многоточия, передающие его эмоциональное состояние. Она начинается с обращения к Богу и представляет собой фактически мольбу о чуде. Лирического героя охватывают противоречивые чувства: это искренний восторг и восхищение, которые он испытывает от увиденной красоты, причем без былой тени насмешки. Но вся красота мира не в состоянии заменить ему родины. Если вернуться домой нельзя, то, может быть, можно кусочек родной земли перенести сюда: «Перенеси сюда за три версты от Тибра /

Мой старенький, мой ненаглядный Псков!» [14, с. 192].

Невозможность увидеть дорогие места и та жажда родины (отсюда название третьего сборника стихов поэта, опубликованного в эмиграции – «Жажда», Берлин, 1923), которые не отпускают русских эмигрантов, заставляют молить о чуде. Саша Черный родился в Одессе, в Житомире обрел приемную семью, состоялся как поэт в Петербурге, а Псков стал последним городом, где поэт жил перед отъездом из России. Именно Пскову он посвятил ряд стихотворений и поэму «Дом на Великой» (1924), написанную также в Италии и опубликованную позднее («Перезвоны», Рига, 1926). Сейчас, скорее всего, пришло понимание того, что ничего в ближайшие годы не изменится, неизвестно, когда они вернуться на родину и смогут ли. Эмигрантские скитания не закончились.

Если площадь Навона вызывает восхищение, то следующее стихотворение «**По форуму Траяна**» (1928), посвященное также знаменитому римскому объекту, написано с иронией. Меняется позиция лирического героя, который не столько рассматривает окружающее его пространство, сколько сам является его частью. В данном случае можно говорить о свернутом экфрасисе, когда описание укладывается в одно-два предложения, который нужен, скорее, как мотивировка, чтобы открыть другие перспективы [18, с. 49]. В стихотворении вскользь упоминаются знаменитые римские достопримечательности: колонна Траяна, Колизей. Но прогулка для лирического героя закончена:

Нанес я все визиты
Всем римским Аполлонам.
У каждой Афродиты
Я дважды побывал [14, с. 194].

Его взгляд лишь скользит по форуму, колонне Траяна, поднимаясь ввысь к ее вершине, но «Колонна? Пусть колонна» – ни тени восхищения или любования в этой реплике, скорее, слышится ирония и усталое равнодушие. Сейчас лирический герой наслаждается отдыхом в харчевне, и его больше волнуют кулинарные изыски, чем памятники старины. Он занимает позицию даже не наблюдателя, а созерцателя, взгляд лениво движется по форуму, проезжающим автомобилям, туристам и их гидам, готовящимся блюдам. Стихотворение многомерно, оно наполнено визуальными образами (кошки на форуме, колонна Траяна с апостолом Петром, автомобили, туристы), цветом и светом (розовый – «тусклые румяна», лимонный, алый, синева неба, вспышки солнца), звуками (жужжанье мух, звуки проезжающих автомобилей, голоса посетителей, курлыканье голубей, шкворчание барашка в масле, чириканье воробьев), запахами (чеснока, ароматами готовящейся еды). Лирический герой все это фиксирует, но возникает ощущение, что мысленно он находится сейчас далеко. Он испытывает приятную усталость, истому и лень, что даруют наслаждение отдыхом, едой и покоем. Неслучайно в конце упоминается Обломов как символ праздности и мечтательности: «Обломов, брат мой добрый! / Как хорошо бы вместе / С тобой здесь помолчать...» [14, с. 195]. На какой-то момент происходит выпадение из времени: «Мне триста лет сегодня, / А может быть и двадцать, / А может быть и пять» [14, с. 195]. Выключение из реальности позволяет забыться, поэтому в этом стихотворении нет тоски, боли, ностальгии, обозначенных ранее.

Следующее стихотворение **«Сквозь загар смуглолицый» (1928)** не называет описываемый объект, но по отдельным указанным деталям можно предположить, что речь вновь идет о площади Навона и фонтане Четырех рек на ней:

Площадь. Гирлянда фонтана,
Плещет струей василиск.
Над головой великана
Врезался ввысь обелиск [14, с. 197].

Стихотворение состоит из трех двенадцатистрочных строф. Попробуем проследить взгляд лирического героя в первой строфе. Он движется сначала по горизонтали: от стен домов-стариков к фонтану в центре площади, а затем поднимается вверх: голова великана, обелиск, вслед за колоннами церкви устремляется в небо к облакам: «Струны-колонны взывая, / К облаку стройно плывет» [14, с. 197]. Во второй строфе возникает ощущение зажатости, пространство сужается, стены давят («Стены все выше и уже») и движение

взгляда устремляется вниз – на разложенные для продажи овощи на полу, отблеск колонны в луже. В стихотворении не столько архитектура и скульптура являются объектами поэтического экфрасиса, они только его часть, сколько площадь в целом, точнее, образ площади, создаваемый Сашей Черным. Площадь Навона представляет собой вытянутый в плане овал, возможно, поэтому доминирует горизонтальное пространство над вертикальным, как отмечают искусствоведы: «... площадь Навона – это торжество композиции, развертывающейся по горизонтали» [10, с. 45]. В третьей строфе взгляд наблюдающего от сырого гранита моста поднимается до окон, но не выше.

Экфрасис в этом стихотворении Саши Черного можно охарактеризовать как дискретный. Перед нами, с одной стороны, описание площади, но, с другой – мы вместе с лирическим героем рассматриваем не ее архитектурные достопримечательности, а повседневную жизнь горожан. Отсюда возникает сложный и противоречивый образ города: первой строфе, в центре которой площадь с ее вековой стариной и величием, эстетическим очарованием и высоким устремлением противопоставлены две следующие, в которых архитектурные детали являются лишь отражением в луже: «Тихо качается в луже / Отблеск колонны резной». Мы постепенно покидаем площадь, замечая на углу торговую лавочку с окороком и овощами, еще дальше «В прорезе стен вдалеке / Брызжут огнем апельсины / На разноцветном лотке» [14, с. 197]. Намечено не только пространственное перемещение, здесь обозначено и движение время, которое меняется в стихотворении от утра в первой строфе к вечеру – в третьей. В первой упоминаются облака, во второй ярким пятном выделяются апельсины, а третьей – мгла переулка, вечер. В третьей строфе усиливает негативное звучание стиха: «Гибр закипает сердито», «В щелях сырого гранита / Тощие лапы куста», «Во мгле переулка / Люди, как крысы, снуют» [14, с. 197]. Даже строчка про вечерний уют в окнах обесмысливается переключением внимания на харчевню с жареным кабаном и сладким мускатным запахом. Все стихотворение венчает торжество плоти над духом.

Интересно обратить внимание на одно замечание М. И. Свидерской о богатстве архитектуре Рима: «храмовые интерьеры масштабами и шириной пространственного дыхания похожи на площади, а площади своей объемно-пластической завершенностью и концентрированным богатством архитектурных форм выглядят как храмы, перекрытием которых служит небо» [10, с. 48]. Вот от такого храма с небесным перекрытием мы постепенно уходим в глубину узких улочек города, от духовного начала к земному и телесному.

«Фонтан на Monte Pincio» (1928) – последнее среди римских стихотворений поэта. Оно двухчленно по структуре; первая часть – описание фонтана,

но данного как пересказ библейской истории о младенце Моисее. К читателю не сразу приходит понимание, что речь идет о скульптуре. Только в пятой строке мелькает «мраморная корзина», но в эмоциональной картине, созданной поэтом, она не акцентируется. Все внимание сосредоточено на матери, ее сомнениях и тревоги, страшной боли, переходящей в безмолвный крик. В этом плане интересно замечание О. М. Фрейденберг об античном экфрасисе: «Начиная с Гомера античная экфраза стремится показать, что мертвая вещь, сработанная искусным художником, выглядит как живая. Экфраза изображает одно, иллюзорное, как другое, реальное» [13, с. 250]. Первая часть стихотворения Саши Черного представляет собой классический экфрасис, описывающий фонтан Моисея работы скульптора Асканио Бразза (1868), который является частью знаменитой виллы Боргезе, расположенной на холме Пинчо.

История младенца Моисея оживает в стихотворении Саши Черного: «Над плетеной постелью мать склоняется в тревоге, / Никого вокруг. Пора...» [14, с. 198]. Скульптор схватил последний, решающий момент библейской легенды. Бедная женщина должна расстаться с ребенком во имя его спасения; у ее ног в плетеной корзине лежит беззаботный пухлый младенец: «Мальчик в мраморной корзине так беспечно поднял ножки» [14, с. 198], к нему в наклоне на одно колено обращена фигура матери, но ее лицо поднято вверх, в нем страдание и мольба, обращенная к Богу: «Стан как каменная арфа. Бог не слышит, даль пуста» [14, с. 198]. В истории, представленной поэтом, присутствуют грусть и безысходность, возможно, потому что продолжение легенды о младенце Моисее остается за рамками стихотворения. О спасении Моисея писатель рассказал раньше в сказке «Отчего Моисей не улыбался, когда был маленьким» («Голос России», Берлин, 1920), где все внимание было сосредоточено на ребенке [3, с. 71–72]. Сейчас в центре поэтического экфрасиса – мать с ее страхом и болью, отпускающая свое дитя в воды Нила в надежде на милость и волю Бога.

Стихотворение выделяется своей сложной поэтической организацией: оно делится на две строфы, первая из которых строится на сочетании длинных (в большинстве случаев восьмистопный хорей, но некоторые строки выбиваются из него), и коротких строк (трехстопный хорей с пиррихием), что создает эффект эпического повествования, а вторая представляет собой трехсложный дольник (амфибрахий выдержан лишь в нескольких стихах) с четко выраженным ритмом. Это позволяет перейти из одной темы в другую, из библейской истории в сферу личных чувств и переживаний, от трагической напряженности первой части стихотворения к светлой грусти во второй. Вторая часть стихотворения переключает внимание на переживания лирического героя,

настроение и самоощущение которого задают тихое минорное звучание стихотворению:

Как хорошо на закате
Сюда прийти одному, –
Смотреть на бессмертный город,
На даль в стоцветном дыму.
Смотреть, вспоминать и думать... [14, с. 199].

Фонтан с Моисеем находится в начале парка, на западной стороне холма Пинчо, с которого открывается вид на Рим, расстилающийся внизу. Сюда любит приходить лирический герой и в одиночестве размышлять о своей судьбе. Его жизненная ситуация в настоящий момент удивительным образом совпадает с сюжетом скульптурного оформления фонтана: он также выброшен историей в неизвестность, он потерял родину и дом, а будущее его страшит.

Как видим, поэтический экфрасис широко представлен в римских стихотворениях Саши Черного. Самый часто встречающийся экфрасистический объект – фонтаны, которые имеют самые разнообразные характеристики: «Студеная влага» («Мул»), «Струя бессонная», тихоструйный рокот («Старая вилла»), вода, клубясь, гудит, поет, светлые воды («На площади Навона»), плещет («Словно загар смуглолицый»). Фонтаны, наверное, являются самой знаменитой достопримечательностью Рима, а вода – его главным сокровищем. П.П. Муратов с восхищением пишет о римских фонтанах: «Этот Рим умел сделать игру вод лучшим своим украшением. Водоемы умножились в нем, распространились повсюду. Нет ни одного палаццо, молчаливый двор которого не был бы оживлен мерным плеском падающей воды. Нет такого бедного и жалкого угла, в котором не было бы своего источника» [8, с. 219].

Исключение составляет небольшое стихотворение «Белое чудо» (1923), которое тоже можно отнести к экфрасису, правда, условно. Оно представляет пейзаж за окном, в котором окно становится своеобразной рамой для увиденной картины. В стихотворении создается особая эмоциональная атмосфера: удивления, радости от неожиданного чуда, изменений в природе, произошедших за одну ночь. Выпавший снег покрывает южные деревья: «Пальм зеленых кринолины / Пышным снегом занесло» [14, с. 192] и преобразует окружающий мир. Под стихотворением стоит подпись «1923, Рождество», созданное в Италии, оно публиковалось в Париже в «Последних новостях» в рождественском номере 25 декабря 1925 года. Перед нами не просто зимний пейзаж, а своеобразная рождественская открытка. В ней есть многие ее атрибуты: зеленое дерево – в данном случае пальма; ребенок за окном, зовущий лирического

героя на улицу: «И дитя в саду взывает: / «Снег, синьор! – Иду, дружок...» [14, с. 192]; праздничное оформление: у туч полог *жемчужный*, воздух «налит *серебром*». Только зимняя южная сказка недолгая: «Хрупкий тающий снежок», «Блещет корочка над лужей... / Не надолго...» [14, с. 193]. В этом стихотворении, как и в некоторых других, упоминаются непривычные, экзотические для русского человека деревья (пальмы, пинии, кипарисы, эвкалипты), которые становятся приметой нового для эмигранта мира.

Почти в это же время пишет стихи, посвященные Риму, Вячеслав Иванов. Саша Черный покинул Рим весной 1924 года, а Вяч. Иванов вернулся в дорогу для него Рим осенью этого же года. Образ Вечного города проходит через все творчество поэта-символиста: от ранних «Итальянских сонетов» (1899) до «Римских сонетов» (1924) и «Римского дневника» (1944). Для него Рим – это вторая родина, который в первом римском сонете поэт обозначает как «свод родного дома». А.Б. Шишкин замечает: «Вяч. Иванов нашел свое отечество в Вечном городе» [15, с. 401]. Он счастлив, что снова вернулся в родной для него город:

О, сколько раз, беглец невольный Рима,
С молитвой о возврате в час потребный
Я за плечо бросал в тебя монеты!

Свершались договорные обеты:
Счастливого, как днесь, фонтан волшебный,
Ты возвращал святыням пилигрима [6, с. 582].

Но для Саши Черного Рим не принес счастья и радости, не стал его второй родиной, это лишь очередной этап в его эмигрантской одиссее. Мотив памяти пронизывает римские стихотворения поэта, из сердца которого не уходит боль от расставания с родиной, поэтому неудивительно, что наблюдается сочетание в экфрастических описаниях восхищения красотой Рима и тоски, которая прорывается в настроении лирического героя. Поэт фиксирует окружающий его мир, который поражает его былым величием, любитесь торжественным величием итальянской архитектуры и скульптуры. Только погрузиться в новые для себя впечатления и забыть о недавнем прошлом не получается, поэтому находясь в Италии, поэт мысленно возвращается домой, в Россию, что отражается в его стихотворениях, в которых в римские реалии проникают русские дети, литературные герои русской классики, а в мечтах поэта даже исконно русский Псков. Отсюда проистекает многомерность и противоречивость образа Вечного города в римских стихах Саши Черного.

Список литературы

1. Автухович Т. Е. Экфрасис как метатекст в контексте металингвистической теории М.М. Бахтина // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 5–10.
2. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: Изд.-во «МИК», 2002. С. 5–22.
3. Жиркова М. А. Саша Черный о детях и для детей: учеб. пособие. СПб.: Лемма, 2012.
4. Жиркова М. А. Эмиграция в жизни и творчестве Саши Черного: Германия, Берлин (март 1920–1923 гг.) – Италия, Рим (май 1923–1924 гг.) [Emigration in the life and work of Sasha Cherny: Germany, Berlin (March 1920–1923) – Italy, Rome (May 1923–1924)] // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. Т. 1. № 2. С. 43–51.
5. Иванов А. С. Комментарий // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. С. 443–486.
6. Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979.
7. Куприна К. А. Куприн – мой отец. М.: Худож. лит., 1979.
8. Муратов П. П. Образы Италии. М.: Республика, 1994.
9. Поляков Е. Н., Михайлова Л. В. Античные традиции «итальянского» сада // Вестн. Томского гос. архитектурно-строительного ун-та. 2015. № 5 (52). С. 9–23.
10. Свидерская М. И. Архитектура // История искусств стран Западной Европы от Возрождения до начала 20 века. Италия. Испания. Фландрия. XVII век. М.: Искусство, 1988. С. 30–76.
11. Словарь античности / пер. с нем.; отв. ред. В. И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989.
12. Соловьев В. М. Полузабытый источник по истории русской эмиграции // Ростовский науч. вестн. (Гуманитарные исследования). 2021. № 8. С. 10–16.
13. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
14. Черный Саша. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007.
15. Шишкин А. Рим Вячеслава Иванова // Вяч. Иванов: pro et contra, антология. Т. 2 / сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. С. 399–410.
16. Шкаренков П. П. Экфрасис // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд.-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 301–302.
17. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIV. Калака-Кардам. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1895.
18. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопр. философии. 2011. № 11. С. 47–58.

References

1. Avtuhovich, T. E. *Ekfrasis kak metatekst v kontekste metalingvisticheskoj teorii M.M. Bahtina* [Ekphrasis as a metatext in the context of M.M. Bakhtin's Metalinguistic Theory] *Centr i periferiya* [Center and periphery]. 2021. № 3. S. 5–10. (In Russian).
2. Geller, L. *Voskreshenie ponyatiya, ili Slovo ob ekfrasisie* [The resurrection of the concept, or the Word about ecphrasis] *Ekfrasis v russkoj literature: Trudy Lozannskogo simpoziuma*. [Ecphrasis in Russian literature: Works of Lozanskoie simpozium]. Pod red. L. Gellera. Moscow: Izd.-vo «MIK», 2002. S. 5–22. (In Russian).

3. ZHirkova, M. A. *Sasha CHernyj o detyah i dlya detej* [Sasha Cherny about children and for children]: Uchebnoe posobie. Saint-Petersburg: Lemma, 2012. (In Russian).
4. ZHirkova, M. A. *Emigraciya v zhizni i tvorchestve Sashi CHernogo: Germaniya, Berlin (mart 1920–1923 gg.) – Italiya, Rim (maj 1923–1924 gg.)* [Emigration in the life and work of Sasha Cherny: Germany, Berlin (1920–1923) – Italy, Rome (May 1923–1924)] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. Saint-Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2014. T. 1. № 2. S. 43–51. (In Russian).
5. Ivanov, A. S. *Kommentarij* [Comment] *CHernyj Sasha. Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 2: Emigrantskij uezd. Stihotvoreniya i poemy. 1917–1932* [Collected works: In 5 vols. Vol. 2: Emigrant County. Poems and poems. 1917–1932]. Sost., podgot. teksta i komment. A. S. Ivanova. Moscow: Ellis Lak, 2007. (In Russian).
6. Ivanov, V. *Sobr. soch. T. 3.* [Sobr. Op. Vol. 3]. Pod red. D. V. Ivanova, O. Deshart. Bryussel': Foyer Oriental Chrétien, 1979. (In Russian).
7. Kuprina, K. A. *Kuprin – moj otec* [Kuprin – my father]. Moscow: Hudozh. lit., 1979. (In Russian).
8. Muratov, P. P. *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Moscow: Respublika, 1994. (In Russian).
9. Polyakov, E. N., Mihajlova, L. V. *Antichnye tradicii «ital'yanskogo» sada* [Ancient traditions of the "Italian" garden] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering]. 2015. № 5 (52). S. 9–23. (In Russian).
10. Sviderskaya, M. I. *Arhitektura* [Architecture]. *Istoriya iskusstv stran Zapadnoj Evropy ot Vozrozhdeniya do nachala 20 veka. Italiya. Ispaniya. Flandriya. XVII vek* [Art history of Western Europe from the Renaissance to the beginning of the 20th century. Italy. Spain. Flanders. XVII century]. Moscow: Iskusstvo, 1988. S. 30–76. (In Russian).
11. *Slovar' antichnosti* [Dictionary of Antiquity]. Per. s nem. Otv. red. V. I. Kuzishchin. Moscow: Progress, 1989. (In Russian).
12. Solov'ev, V. M. *Poluzabytyj istochnik po istorii russoj emigracii* [A half-forgotten source on the history of Russian emigration] *Rostovskij nauchnyj vestnik (Gumanitarnye issledovaniya)* [Rostov Scientific Bulletin (Humanitarian Studies)]. 2021. № 8. S. 10–16. (In Russian).
13. Frejdenberg, O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. (In Russian).
14. CHernyj Sasha. *Sobr. soch.: v 5 t. T. 2: Emigrantskij uezd. Stihotvoreniya i poemy. 1917–1932* [*Sobr. op.: in 5 vols. Vol. 2: Emigrant County. Poems and poems. 1917–1932*] / sost., podgot. teksta i komment. A. S. Ivanova. Moscow: Ellis Lak, 2007. (In Russian).
15. SHishkin, A. *Rim Vyacheslava Ivanova* [Vyacheslav Ivanov 's Rome] *Vyach. Ivanov: pro et contra, antologiya* [V. Ivanov: pro et contra, anthology]. T. 2. Sost. K. G. Isupova, A. B. SHishkin. Saint-Petersburg: CSO, 2016. S. 399–410. (In Russian).
16. SHkarenkov, P. P. *Ekfrasis* [Ecphrasis] *Poetika* [Poetics]: slov. aktual. terminov i ponyatij. Gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. S. 301–302. (In Russian).
17. *Enciklopedicheskij slovar'* F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. T. XIV. Kalaka-Kardam [Encyclopedic dictionary]. Saint-Petersburg: Brokgauz-Efron. 1895. (In Russian).
18. YAcenko, E. V. «*Lyubite zhivopis', poety...*». *Ekfrasis kak hudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model'* ["Love painting, poets ...". Ekphrasis as an artistic and ideological model] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2011. № 11. S. 47–58. (In Russian).

Л. И. Вигерина

**Агиографическая традиция в изображении праведников
в «Задуманных рассказах» П. В. Засодимского**

В статье исследуется связь «Задуманных рассказов» П. В. Засодимского с агиографической традицией, выявляются характерные для нее образы, мотивы, сюжеты в художественной системе рассказов писателя, определяется их функция и значение. Объясняется обращение писателя к агиографической традиции особенностями его мировоззрения, религиозными, педагогическими взглядами, эстетической позицией, а также традиционным кругом чтения в русской школе, фактами биографии П. В. Засодимского, влиянием историко-культурного и литературного контекста эпохи. Делаются выводы о значении агиографической традиции для творчества П. В. Засодимского, об отражении народнической идеологии в идейно-художественном содержании его рассказов о праведниках.

Ключевые слова: агиографическая традиция, житийная топики, праведник, «Задуманные рассказы» П. В. Засодимского, народническая идеология.

Lyudmila I. Vigerina

**Hagiographic tradition in the depiction of the holy people
in "Heartfelt stories" by P. V. Zasodimsky**

The article explores the connection between "Heartfelt stories" by P. V. Zasodimsky with the hagiographic tradition. The images, motifs, and features of the plots are analysed in the artistic system of the stories; their function and meaning are determined. The writer's appeal to the hagiographic tradition is explained by the peculiarities of his worldview, religious, pedagogical views, aesthetic position, as well as the traditional circle of reading in the Russian school, the facts of the biography of P. V. Zasodimsky, the influence of the historical, cultural and literary context of the epoch. The author draws conclusions about the significance of the hagiographic tradition for P. V. Zasodimsky, the reflection of populist ideology in the ideological and artistic content of his stories about the holy people.

Key words: hagiographic tradition, hagiographic topic, righteous man, "Heartfelt stories" by P. V. Zasodimsky, populist ideology.

Введение

Писатель-народник П. В. Засодимский разделял взгляды просветителей на детскую литературу, ее цели и задачи. Ценнейшей чертой произведений для детей он считал гуманность: выражение «глубочайшего почтения к труду и уму человеческому [7, с. 166], стремление «развивать в подрастающем поколении лучшие, благороднейшие стороны человеческой природы» [7, с. 159].

Воспитание юного читателя на примерах идеальных героев характерно для детской литературы XIX века, активно обращавшейся к христианской традиции. В хрестоматии для церковно-приходских школ входили и произведения агиографического жанра [2; 16].

В «Задуманных рассказах» писатель создал галерею образов праведников, которые могли служить примером жизни для людей во имя добра.

Для русской классической литературы второй половины XIX века в поисках нравственного идеала характерно обращение к традиции древнерусской литературы и к агиографической, в частности. Для П. В. Засодимского христианская традиция была наиважнейшей в силу его религиозного воспитания, круга чтения, мирозерцания.

Интерес П. В. Засодимского к теме праведника и агиографической традиции в произведениях для детей был продиктован его представлениями о задачах детской литературы, специфике детского чтения, а также было обусловлено его педагогическими взглядами.

В «Очерке истории детской журналистики (по 1869 год)» он подчеркивал, что дети читают иначе, чем взрослые: «Дети верят в то, что читают, вымышленные лица – для них живые лица, они сами живут с этими лицами, радуются и плачут с ними. Порывистая, непосредственная детская натура иначе и не может относиться к книге...» [7, с. 193]. Пример праведного жития, созданный писателем, будет «заразителен» для ребенка. Поэтому он призывал относиться серьезно к детской литературе: «Должно всегда помнить, что впечатления, получаемые детьми от первых прочтенных ими книг, бывают так живучи и сильны, что их огнем не выжжешь, не вырубешь топором...» [7, с. 193]. В этом П. В. Засодимский близок Ф. М. Достоевскому, высказавшемуся устами своего героя старца Зосимы о роли детского чтения в формировании личности. В «Братьях Карамазовых» речь идет о духовном чтении, о чтении Священного Писания, «Великих Четий Миней»: «Разверни-ка он им книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко...» [3, с. 329] и «поразишь благочестивый ум простолюдина», а особенно – ребенка, «и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаниями» [3, с. 330].

Пронзить сердце ребенка образами светлых героев, увлечь на путь добра и милосердия – такие задачи ставил перед собой П. В. Засодимский как детский писатель.

В сборнике «Задуманные рассказы» писатель изображает праведников, обращаясь к элементам житийного канона, к житийной топике.

Напомним, что интерес к агиографии в науке, литературе и педагогике в последней четверти 19 века возрастает, о чем свидетельствуют многочисленные публикации того времени, например: В. О. Ключевский «Жития как исторический источник» (1871) [8], Н. С. Лесков «Жития как литературный источник» (1882) [9], А. К. Яхонтов «Жития святых, как образовательно-воспитательное средство, и их значение для русской школы с древнейших времен» (1898) [16] и др.

Так, А. К. Яхонтов в своем сочинении отметил: «В настоящее время интерес к житиям святых особенно усиливается: к чтению их и подобных им религиозно-нравственных сочинений призывают многие газеты, ведомости, журналы и повременные книжные издания <...> Для русского человека со времени принятия христианства жития святых – самые любимые книги» [16, с. 44]. Сочинение А. К. Яхонтова посвящено дискуссиям о роли и значении агиографии в современной литературе и педагогике. Для автора несомненно благотворное влияние житийной литературы на души юных читателей, на их «умственное и нравственное развитие», поэтому он предлагает использовать произведения агиографического жанра на разных уроках, в разных педагогических целях.

Скорее всего с этими публикациями был знаком П. В. Засодимский, так как он живо интересовался педагогикой, печатался в «Педагогическом листке», сам преподавал в сельской школе в разные периоды своей жизни.

Творчество писателя, его биография свидетельствуют о том, что он хорошо знал житийную литературу. Насколько агиография прочно вошла в культурный опыт писателя, определяла его восприятие мира и человека, свидетельствует его автобиографическая книга «Из воспоминаний» (1908).

Так, образ матери представлен в книге сквозь призму раннехристианских житий. Мать писателя, по его признанию, походила на первых христианок: «была бы горячей проповедницей братской любви и милосердия и сделалась бы мученицей, – бросили бы ее на съедение хищным зверям на арене какого-нибудь цирка, или палач докрасна раскаленными клещами истерзал бы ее на потеху издыхавшего, языческого мира...» [6].

В воспоминаниях писателя его мать предстает как святая. П. В. Засодимский выделяет в ее образе традиционные житийные черты: кротость, терпение,

нищелюбие, милосердие, заботу о больных и убогих, самоотречение: «под ее ясным, чистым взглядом» отец «делался кроток, как ягненок», в ней была «большая нравственная сила»: «Благотворное влияние матери на всем сказывалось у нас в доме. <...> Атмосфера благостного спокойствия и мира царствовала в нашем доме...Каждый бедняк, нуждавшийся в деньгах или куске хлеба, каждый несчастный, искавший совета или утешения, всякий больной, убогий, странник – находили доступ к нам в дом» [6].

Признание писателя, что и после смерти матери «ее влияние сказывалось в нашем семействе, словно бы она невидимо была еще с нами» [6], напоминает традиционный мотив посмертных чудес святого.

Образ матери писателя отразился и в его художественном творчестве, в частности, в образе матери Николая Васильевича из «Истории двух елей».

В той же книге «Из воспоминаний» писатель создает образы странников, которых видел в детстве. Особенно запомнился ему Илюша, черты которого угадываются в образах «неразлучников» из одноименного рассказа: «С виду это было кроткое, незлобивое существо, но он был страшно упрям и настойчив, был жесток к себе, мог быть жестоким и к другим – во имя спасения людей от греха» [6].

Илюша видится писателю как герой мученических житий, посвященных первым святым-христианам: «А, может быть, и то, что его самого сожгли бы на костре, как еретика, и он, задыхаясь в пламени, громко славословил бы Бога...» [6].

В изображении Илюши можно выделить характерные для агиографического героя черты и мотивы: топос «ветхих одежд» (ходил всегда в черной кожаной одежде), аскетизм, пренебрежение всем земным («более худого, телесно изнуренного человека я никогда не видал», «Илюша вовсе не думал о себе и о житейских удобствах. Вся сила души его ушла на то дело, которое он считал праведным и великим делом» [6]), подвиг строительства храма (собирал пожертвования на храм).

П. В. Засодимский указал на близость Илюши, которого он знал, образу Власа, созданному Н. А. Некрасовым.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что агиография воспринималась писателем как ценнейшая часть национального достояния, определившая аксиологию русского человека, его мировосприятие, вошедшая в генетический код нации. Поэтому, создавая образы положительно прекрасных героев в «Задуманных рассказах», он обратился прежде всего к житийной традиции.

Рассмотрим подробнее, как проявила себя указанная традиция в художественной системе отдельных произведений из сборника «Задуманные рассказы».

I

В рассказе «Слепой из Данилова (Из воспоминаний моего старого друга)» главный герой – Григорий Иванович – не случайно наделен автором таким именем: «Григорий» происходит от греческого «бодрствующий», «пробудившийся» [12], это одно из первых собственно христианских имен, значение которого указывало на качества идеального христианина. Его небесным покровителем мог быть Григорий Богослов или Григорий Чудотворец. В русской агиографии, как подчеркивают исследователи, метод уподобления святого тому или иному агиотипу по тезоименитству был широко распространен: «...именно по тезоименитству Антоний Печерский уподоблен Антонию Великому, Максим Грек – Максиму Исповеднику и т.д. (причем само имя святого нередко является «ключом» к пониманию «делания» святого, его духовной предназначенности» [11, с. 508]. Впоследствии, в новое время, этот «типологический» метод, указывает исследователь, «был широко представлен и в творчестве многих писателей XVIII–XIX веков»: «Создавая литературные образы своих героев, писатели нового времени (так же, как и древнерусские авторы) нередко ориентировались на конкретные “агиологические” и “библейские” образцы, которые служат для их читателей своеобразным «ключом» к пониманию художественного замысла автора» [11, с. 534].

В истории слепого учителя можно обнаружить общие с житием Григория Богослова мотивы: безбрачная жизнь, аскетизм, деятельная проповедь учения Христа. С житием Григория Чудотворца история слепого учителя может быть соотнесена через характерные агиографические топосы: *плодотворная проповедь, чудо исцеления* (в деревне учитель исполняет и роль лекаря, спасителя людей: три дня не отходил от больной девочки Маши, некогда спас ребенка из пожара, во время эпидемии трудится сам (закапывает разлагающиеся трупы лошадей, которые и распространяют заразу) и подает пример односельчанам), *стремление к уединенной молитве, пустынножительству*.

Главная миссия Учителя – проповедь слова Христа: он толкует крестьянам Евангелие. Так, например, рассказчик на всю жизнь запомнил его объяснение притчи о сеятеле, о том, какая милостыня благостна и для людей, и для Бога, на примере деревенского кулака Кузьмича, дающего деньги в рост, а потом, обирающего крестьян, но жертвующего на церковь. Образ учителя обретает черты народника, проповедующего социалистические идеалы: он осуждает проникновение в жизнь русской деревни капиталистических начал, критикует кулачество и кулаков.

Глубинная перспектива образа Григория Ивановича связана с мифологией «нездешние места» («юг») / «наши края» («север»). Писатель подчеркивает, что старый учитель пришел в «наши края», где зимы затяжные, холодно,

снега, вьюги, из «той сторонки», где вечное лето: всегда зеленые деревья, кусты, луга в цветах, птицы поют и т.п. В мифопоэтическом плане рассказа это означает, что в земную юдоль, в земную обитель смертного человека (символами которой являются холод, зима) Учитель пришел из райских мест (символами которых выступают вечное лето, юг, тепло). Тем самым акцентируется «нездешнее» происхождение героя, причастность его сакральному пространству, сакральным сферам.

Писатель использует в сюжетостроении рассказа традиционные житийные мотивы, традиционную житийную топику.

Для святых характерны «ветхие одежды», неприхотливость в еде, скромность в быту. Григорий Иванович «и в будни, и в праздники ... всегда ходил в одном и том же наряде» [4, с. 35], денег за учение не брал, а только просил сельскую общину кормить себя: картофель, лук, горох да краюшка ржаного хлеба – вот и все, что нужно было старику для поддержания сил.

Есть в рассказе и характерный агиографический мотив – любовь праведника ко всей божией твари, к животным: Григорий Иванович «даже и скотину любил», приютил у себя котенка, увещевает ребят, кто мучил животных.

Важное значение для идейно-художественного содержания рассказа имеет видение «слепого учителя», которое выполняет ту же функцию в рассказе, что и средневековый жанр видений в составе агиографического произведения. В «чудесном сне» накануне своей смерти герой видит людей веселых, здоровых, умных и добрых, нет ни злых, ни глупых, ни хромых, ни горбатых. В деревне на месте черных изб – хорошие крепкие хаты, кругом – сады, пахнет цветами. «Краше стала вся земля, – сообщает Григорий Иванович о своем видении, – яснее стали небеса, с небес теплее, веселее грело красное солнышко...» [4, с. 53]. Картина сна включает как элементы социалистической утопии, обусловленные влиянием народнической идеологии на писателя, (идеал крестьянского быта: хаты такие, как у кулака Кузьмича), так и апокрифической картинырая (цветущие луга, добрые и счастливые люди, играющие дети, ясные небеса, солнце). «Может быть, этот сон был для него пророческим видением того, что когда-нибудь будет на земле» [4, с. 53], – поясняет рассказчик. Так народническая утопия входит в повествование о русском праведнике.

Святые обычно в средневековой литературе знают о дне и часе своего ухода из мира; герой Засодимского тоже обладает таким тайным знанием.

Смерть героя рассказа изображена на фоне тихого ясного августовского вечера, заката солнца: «С тех пор воспоминание о смерти учителя всегда связывается в моем воображении с воспоминанием о тихо угасающем, ясном вечере», – признается повествователь. Картина имеет мифологическую основу:

архетип вечера – как угасания жизни, закат солнца – как метафора смерти, конец лета, надвигающаяся осень – как метафора угасания жизни, как приближающаяся смерть. Красота, ясность, тишина августовского вечера, закат солнца маркируют светлый уход праведника в тот край, где пребывает Бог.

II

В «святочном рассказе» **«История двух елей»** изображаются праведники Николай Васильевич и его учитель, который сыграл большую роль в формировании личности героя. Характерно, что учитель лишен имени, но указан предмет его преподавания – история. Таким образом, дан обобщенный образ Учителя, наставника, мудреца. Не случайно он учитель истории: весь опыт истории человечества привел его к убеждению, что нравственная жизнь на земле может быть построена на основе таких духовных ценностей, как добро, любовь, милосердие. Он проповедует свои ученикам евангельские ценности. Его слова: «Слава, почести – мыльные пузыри! С минуту они играют всеми цветами радуги, а дунь на них – лопнут...» [4, с. 198] – соотносятся с евангельскими: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Иоанна 5: 44).

Призыв Учителя не собирать богатств («От богатства еще менее можно ожидать счастья и довольства, чем от почестей и славы. <...> Богатство куется... из крови и слез. Только тот наживает великие богатства, кто отдает за них честь, душу, совесть! <...> Богатство всего непрочнее на свете: вор его крадет, вода топит и огонь палит» [4, с. 198]) – народническое переложение евангельских строк «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф 6: 19–20), «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное, и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19: 23–24).

Так евангельским истинам писатель придал народническое звучание в силу своих идеологических установок: проповедь служения народу, сочувствия и деятельного добра в пользу угнетенных, страдающих народных масс.

Небесным покровителем Николая Васильевича является Николай Чудотворец, наиболее почитаемый из всех святых в русском народе.

В истории Николая Васильевича можно отметить мотивы, сходные с житием Николая Мирликийского: благочестивые родители, подвиги терпения, смирения, избегание мирской славы, пребывание в трудах, помощь всем

страждущим, нуждающимся, смерть накануне Рождества (память Николая Чудотворца отмечается 6 (19) декабря).

В изображении Николая Васильевича писатель использовал традицию такого типа агиографической литературы, как жития праведников, для которых характерны «устойчивые формулы, мотивы, сюжеты, описывающие нищелюбие и долготерпение героя, его смиренное и благодарное принятие всех жизненных испытаний» [14].

Так, сюжетный мотив – необходимость остаться в родном городе после школы – соотносится с агиографическим мотивом Божьей воли. Коля не имеет материальных средств после школы, чтобы переехать в Москву или Петербург, он сирота. Опекун нашел ему место конторщика на заводе. Однако не только житейскими обстоятельствами определяется решение героя, но и его ценностными ориентирами, уроками, полученными от Учителя: «Подумал Коля, подумал, да и остался в родном городе. Надо правду сказать: не всем же в столицу идти, надо же кому-нибудь оставаться и в маленьких городах и деревушках. **Счастье живет повсюду и полезным можно быть везде**» [4, с. 197]. Счастье же Коля понимает так, как толковали его мать и Учитель: в любви ко всем людям, в служении им. В рассказе евангельский смысл жизни имеет обертоны народнических воззрений: служение интеллигенции трудовому народу, просвещение народных масс.

В сюжетостроении рассказа писатель использует следующие традиционные агиографические мотивы.

1. Мотив благочестивых родителей: мать Николая Васильевича представлена идеальной христианкой, завещающей ему: «Люби, голубчик, всех людей. Все люди братья».

2. Герой отличается скромностью, едва ли не аскетизмом в быту, как и святые подвижники.

3. Любовь его распространяется не только на всех людей, но и на всех тварей Божьего мира: Николай Васильевич любит голубков, он спасает щенка из канавы, который становится ему верным другом.

4. «Житийные подвиги» героя – это его помощь страдающим, обиженным: «У него большая семья. Все дети и взрослые, и все люди, постигнутые бедой, все несчастные, убогие, хилые, больные, бедные – вот его семья» [4, с. 219].

5. Агиографическому чуду в рассказе соответствует описание последних мгновений жизни Николая Васильевича: «Странная история случилась тогда с конторщиком, – признается повествователь. – Как огненными буквами написанные встали тогда перед ним слова старого школьного учителя: «Жизнь

того, кто жил для ближних, кто жил с ближними по-братски, пройдет не напрасно, и смерть тому будет не страшна!» <...> И тут, в один миг, с быстротою молнии, перед умирающим разом озарилась каким-то чудесным светом вся его прошлая жизнь, и на мгновение предстала ему воочию жизнь любви и труда» [4, с. 206–207].

6. Как святой оставляет духовный завет братьям, так Николай Васильевич передает рабочим завода через мальчика Матюшу (имя Матвей в данном контексте отсылает к евангелисту Матфею) Христов завет любви.

III

В святочном рассказе «Неразлучники» главные герои – слепцы: юноша Вася, который родился незрячим, и Павел Рябок, потерявший зрение уже в зрелом возрасте. Слепота выступает здесь как маркер особой природы героев. В этой связи можно привести слова Христа из Евангелия от Иоанна об исцелении слепорожденного. Ученики спрашивают Учителя, не является ли слепота ребенка воздаянием за грехи его самого или родителей. Господь отвечает, что «не согрешил ни он, ни родители его, но [это для того], чтобы на нем явились дела Божии» (Иоан. 9: 2, 3) Слепые в данном случае – отмеченные Богом.

Несмотря на страдание, связанное с физической ущербностью, герои сохранили душу живую, не озлобились. О Васе повествователь сообщает: «...он был таким незлобивым существом, что равно любил всех людей и всякую тварь, – любил все живущее на земле» [5, с. 89].

В образе Васи подчеркивается его духовная красота, не случайно художник списал с него лик Ангела, являющегося в темницу для освобождения апостола Петра. Повествователь отмечает: в лице Васи «лишь изредка можно было заметить тихую грусть». Такая «тихая грусть» характерна для изображения святых на иконах. Можно говорить о связи такого изображения героя в произведении П. В. Засодимского с традиционным мотивом уподобления святых ангелам в житийной литературе, который имеет многоаспектный характер [13]. Так, повествователь подчеркивает внешнее подобие Васи ангельскому: несмотря на то, что ангел изображен был художником в прекрасных одеждах, с широко раскрытыми голубыми глазами, односельчане сразу узнали в нем Васю. В структуру рассказа «Неразлучники» входит мотив «бесплотной жизни как *imitatio angeli*» [13]: повествователь подчеркивает, что 25-летний Вася был «совершеннейшее дитя, умное, доброе, незлобивое дитя».

Для характеристики персонажей-праведников писатель использует традиционный агиографический топос «ветхих одежд»: «Одевались они, ели и пили, как Бог приведет», ходили и зимой и летом в одних одеждах.

Кормились герои не только, как птицы небесные, по слову Евангелия, но и от труда рук своих, и просили милостыню, когда не было другой возможности для пропитания. Они «не были дармоедами, не жили на чужой счет, на готовом хлебе», но всегда занимались какой-либо работой. В житиях этот мотив имеет устойчивый характер: даже достигнув высокого положения в церковной иерархии, святой трудится, не чуждается и самых грязных и тяжелых работ. Устойчивый мотив трудов святых подвижников на монастырскую братию можно обнаружить в житиях Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и др.

Автор и прямо указывает на монашеское житие «неразлучников»: «Слепые жили в своей сторожке, как **в монастыре или в пустыне**. Редко доходили до них житейские новости и слухи...» [5, с. 104–105]. Они чуждаются и удивляются ссорам людей, их злобе друг к другу, страдают чужими страданиями, чужой болью.

Функции снов Васи в повествовании сходны с функцией пророческих видений в житийной литературе: «Сны были для Васи лишь повторением действительности. То грезилось ему, что он сидит и растирает табак, то будто прядет, – и нитка у него тянется без конца, а веретено тихо жужжит под пальцами, то будто он идет об руку с батей по какой-то ровной, гладкой дороге, ни за что не запинаясь, ни за что не задевая, идут они все в гору, все выше-выше, дышится так легко, свободно, так хорошо, то снилось ему, что он с батей сидит в лесу и батя рассказывает ему всякие истории о людях, о зверях, о птицах и рыбах, то грезилось ему, что он с батей звонит на колокольне и, словно, носится по-над землей вместе с птицами...» [5, с. 104]. Несмотря на объяснения повествователя, что сны лишь отражали житейское существование героя, очевидно, что они обладают символическим потенциалом. Так, нить, которую прядет во сне герой, символизирует нить жизни: нитка, которая тянется без конца, – символ вечной жизни. Земное существование Васи оборвется в цвете молодости, но душа его, чистая, невинная, будет жить вечно.

Образ ровной дороги, с одной стороны, – мечта слепых, для которых большую трудность представляет преодоление кочек, ухабов на дороге, а, с другой, – символ безгреховного пути «неразлучников». Дорога, уходящая ввысь, в гору, – становится символом духовного восхождения героев. Полет Васи вместе с птицами во сне символизирует духовное состояние его души, радостное восприятие Божьего мира, ангелоподобность, а с другой стороны, предвещает его смерть.

Писатель отметил особенную любовь слепых к колокольному звону. Вася в то время, когда звонил в колокола, весь преображался: «Казалось, в те минуты ему представлялись какие-то чудесные видения... Тут, на колокольне,

под удары колокола он как бы чувствовал себя сильным, могучим человеком, властвовавшим над целым морем звуков. <...> “Бум-бум” гудели колокола над его головой, и юноша с каждым ударом тяжелого, с трудом раскачиваемого колокола, казалось, выростал, поднимался все выше и выше над землей и носился, летал в мире звуков. Он испытывал при этом такие сильные ощущения, переживал так много, что после звона, совершенно изнеможенный, обессиленный, с побледневшим лицом, чуть не падая от усталости, ложился тут же на колокольной площадке» [5, с. 92].

Для Васи колокола были живыми существами, которых он наделял своими именами, ласкал их, мыл к праздникам.

Колокол – особенный символ в христианской литературе, его голос воспринимается как голос Бога [15]. Любовь «неразлучников» к колоколам, колокольному звону подчеркивает их духовность, «духовную жажду», причастность сакральной сфере.

Вводит писатель в повествование и житийный мотив тайного знания святым дня своей кончины. «Братан» Павел Рябок признается Васе, что стар и болен и боится, «как бы нам разлучиться не пришлось»: «Останешься ты без меня сиротинушкой». Твердый и спокойный ответ юноши поразил его: «Нет, батя! Не придется...» [5, с. 11].

«И в те минуты, – подчеркивает повествователь, – какая-то торжественная уверенность звучала в его голосе, светилась в его милой, кроткой улыбке, выражалась во всем его лице» [5, с. 11].

Слова героя можно воспринимать и как уверение в вечной дружбе, но и как тайное знание своей судьбы.

Писатель не случайно время смерти Васи «связал» с праздником Всех Святых. В православии установилась традиция, идущая от Иоанна Златоуста, празднования дня Всех Святых в первое воскресенье после Пятидесятницы [10].

Понятие «все святые» включает и канонизированных святых, и тех, кто остался неизвестен. Считается, что этим праздником церковь напоминает о множестве святых, просиявших в мире по Благодати Святого Духа, а также подчеркивает, что святость – не удел отдельных, исключительных личностей, а призвание каждого христианина.

Такое указание на день смерти героя – церковный праздник Всех Святых – свидетельствует об авторском восприятии его как святого, как праведника.

Выводы

1. Агиографическая традиция – важнейшая в творчестве П. В. Засодимского в плане создания национального идеала. Она оказалась тем «магическим

кристаллом» национальной культуры, сквозь который художник воспринимал как действительность, лучших людей своего времени (образы В. Гаршина, А. И. Левитова, Н. Г. Помяловского и других в публицистике писателя), так и идеальных героев своего творчества.

2. Обращение П. В. Засодимского к агиографической традиции в изображении праведников обусловлено множеством факторов: особенностями мировоззрения писателя, его религиозными, педагогическими, эстетическими взглядами, а также укорененностью его творчества в национальной почве, связью с народно-христианской культурой, с культурно-историческим и литературным контекстом эпохи.

3. Появление образов праведников в произведениях писателя для детей связано с его пониманием целей и задач детской литературы. «Своими рассказами я желал будить в людях добрые чувства – любви и сострадания», – писал он в предисловии «От автора» к «Задуманным рассказам» [4].

Как и для всей русской классической литературы X–XIX веков, для творчества П. В. Засодимского характерны поучительность, проповедь идеала, стремление «заразить» читателя примером праведного жития.

4. Рассказы П. В. Засодимского о праведниках носят не религиозный характер, а общегуманистический. Справедливо в свое время отметила Е. Ю. Власенко: «Специфика религиозных взглядов П. В. Засодимского состоит в том, что он понимает христианство широко, не столько в ортодоксальном религиозном аспекте, сколько как часть обширной гуманистической программы перевоспитания человека путем культивирования в нем добрых чувств» [1]. В этом смысле христианство П. В. Засодимского близко к христианству Л. Н. Толстого, которого писатель высоко ценил, воспринимал как духовного учителя и непререкаемый авторитет в литературе, а понимание праведничества и праведника – Н. С. Лескову: следование евангельским идеалам в повседневной жизни, в миру.

5. Образы праведников из интеллигенции в рассказах П. В. Засодимского обладают чертами народников 70–80-х годов XIX века, посвятивших свою жизнь служению трудовому народу. Праведники из народа отражают веру писателя в русского крестьянина, в сохранность в его душе христианских ценностей, веру в крестьянскую общину, основанную на социалистических началах.

Список литературы

1. Власенко Е. Ю. Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П.В. Засодимского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://cheloveknauka.com/funktsii-arhetipov-i-arhetipicheskikh-obrazov-v-proizvedeniyah-p-v-zasodimskogo> (дата обращения: 06.02.2022).

2. Горшкова С. Е. Что читали дети в церковно-приходских школах в конце XIX – начале XX века // Начальная школа плюс До и После. № 7. 2007. С. 1–4.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991.
4. Засодимский П. В. Задушевные рассказы: в 2 т. Т. 1. СПб., 1891. 287 с.
5. Засодимский П. В. Задушевные рассказы: в 2 т. Т. 2. СПб., 1898. 265 с.
6. Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. Электронный ресурс. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zas/index.htm> (дата обращения: 06.02.2022).
7. Засодимский П. В. Очерк истории детской журналистики (по 1869 год) // Колесова Л. Н. Детские журналы России (1785–1917): учеб.-метод. комплект. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2014. С. 148–194.
8. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Издание К. Солдатенкова, 1871. 486 с.
9. Лесков Н. С. Жития как литературный источник // Н.С. Лесков о литературе и искусстве / сост., вступ. ст. И.В. Столяровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 38–40.
10. Лукашевич А. А. Всех святых неделя // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 9. С. 706–707. Электронный ресурс. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/ix.html> (дата обращения: 06.02.2022).
11. Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2003. С. 491–534.
12. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 2-е изд. М.: Русский язык, 1980. 384 с.
13. Руди Т. Р. «Imitatio angeli» (проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59.
14. Руди Т. Р. Житийная литература // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 19. М., 2013. С. 283–345. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/xix.html> (дата обращения: 06.02.2022).
15. Трессидер Дж. Словарь символов. М., 2001. 444 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/ (дата обращения: 06.02.2022).
16. Яхонтов А. К. Жития святых, как образовательно-воспитательное средство, и их значение для русской школы с древнейших времен. Симбирск: Тип. И. С. Хапкина, 1898. 178, XLI с.

References

1. Vlasenko, E. YU. *Funkcii arhetipov i arhetipicheskikh obrazov v proizvedeniyah P. V. Zasodimskogo*. [The functions of archetypes and archetypal images in the works of P. V. Zasodimsky.] Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Ul'yanovsk, 2005. Elektronnyj resurs. URL: <https://cheloveknauka.com/funktsii-arhetipov-i-arhetipicheskikh-obrazov-v-proizvedeniyah-p-v-zasodimskogo> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
2. Gorshkova, S. E. *CHto chitali deti v cerkovno-prihodskih shkolah v konce XIX – nachale XX veka* [What children read in parochial schools at the end of the 19th – beginning of the 20th century] *Nachal'naya shkola plyus Do i Posle*. [Primary school plus Before and After] № 7. 2007. S. 1–4. (In Russian).

3. Dostoevskij, F. M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah*. T. 9. [Collected works in 15 volumes. T. 9.] L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1991. (In Russian).
4. Zasodimskij, P. V. *Zadushevnye rasskazy*. [Heartfelt stories]. V 2 t. T. 1. SPb., 1891. 287 s. (In Russian).
5. Zasodimskij, P. V. *Zadushevnye rasskazy*. [Heartfelt stories]. V 2 t. T. 2. SPb., 1898. 265 s. (In Russian).
6. Zasodimskij, P. V. *Iz vospominanij*. [From memories]. M., 1908. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zas/index.htm> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
7. Zasodimskij, P. V. *Ocherk istorii detskoj zhurnalistiki (po 1869 god)* [Essay on the history of children's journalism (until 1869)] // Kolesova L.N. *Detskie zhurnaly Rossii (1785–1917)*. [Children's magazines in Russia (1785–1917)] Uchebno-metodicheskij komplekt. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 2014. S. 148–194. (In Russian).
8. Klyuchevskij, V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatyh kak istoricheskij istochnik*. [Ancient Russian Lives of Saints as a Historical Source]. M.: Izdanie K. Soldatenkova, 1871. 486 s. (In Russian).
9. Leskov, N. S. *ZHitiya kak literaturnyj istochnik* [Lives as a literary source]. N.S. *Leskov o literature i iskusstve* [N. S. Leskov on literature and art], sost., vstup. st. I. V. Stolyarovoj. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1984. S. 38–40. (In Russian).
10. Lukashovich, A. A. *Vsekh svyatyh nedelya* [All Saints Week]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. T. 9. S. 706–707. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/ix.html> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
11. Panchenko, O. V. *Poetika upodoblenij (k voprosu o «tipologicheskom» metode v drevnerusskoj agiografii, epidejktike i gimnografii)* [Poetics of assimilation (to the question of the "typological" method in ancient Russian hagiography, epideictics and hymnography)]. TODRL. T. 52. SPb., 2003. S. 491–534. (In Russian).
12. Petrovskij, N. A. *Slovar' russkih lichnyh imen*. [Dictionary of Russian personal names]. 2-e izdanie. M.: Russkij yazyk, 1980. 384 s. (In Russian).
13. Rudi, T. R. *«Imitatio angeli» (problemy tipologii agiograficheskoy topiki)* ["Imitatio angeli" (problems of typology of hagiographic topics)]. *Russkaya literatura*. [Russian Literature]. 2003. № 2. S. 48–59. (In Russian).
14. Rudi T.R. *ZHitijnaya literature* [Hagiographic Literature] *Pravoslavnaya enciklopediya*. Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. [Orthodox Encyclopedia. Ed. Patriarch of Moscow and All Russia Kirill]. T. 19. M., 2013. S. 283–345. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/xix.html> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
15. Tressider, Dzh. *Slovar' simvolov*. [Dictionary of symbols]. M., 2001. 444 c. Elektronnyj resurs. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/ (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
16. YAhontov, A. K. *ZHitiya svyatyh, kak obrazovatel'no-vospitatel'noe sredstvo, i ih znachenie dlya russkoj shkoly s drevnejshih vremen*. [Lives of the saints as an educational tool and their significance for the Russian school since ancient times]. Simbirsk: Tipografiya I. S. Hapkova, 1898. 178, XLI s. (In Russian).

Н. Н. Балашова

**Тема красоты мира в явлении женщины
(на материале произведений Н. В. Гоголя)**

В статье анализируются произведения Н. В. Гоголя, в которых он касался темы женской красоты как явления, приближающего человека к божественному началу. Разрабатывая эту тему, писатель в начале своего творчества видел спасающую силу красоты во внешней эстетике. В середине своих творческих и философско-эстетических поисков он открыл и показал вторжение демонического в прекрасное, двойственность красоты как орудия греха. В конце жизни Гоголь пришел к вере в духовную роль женской красоты, но только в сочетании с высшей красотой – чистой «голубиной душой». Как писал впоследствии К. В. Мочульский: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского» [16, с. 645]. Нравственно-эстетические изыскания великого писателя не потеряли своей актуальности по сей день. Некоторые недооцененные ранее произведения Гоголя читаются сейчас по-новому, открывая более глубокие смыслы, вложенные в них автором.

Ключевые слова: Гоголь; красота; «Женщина»; «Страшная месть» «Вий»; «Невский проспект»; «Рим».

Natal'ya N. Balashova

**Theme of the beauty of the world in the phenomenon of women
(on the material of N. V. Gogol's works)**

The article analyzes the works of N. V. Gogol, in which he touched the theme of female beauty as a phenomenon that brings man closer to the divine beginning. Developing this theme, the writer at the beginning of his work saw the saving power of beauty in external aesthetics. In the middle of his creative and philosophical-aesthetic search he discovered and showed the intrusion of the demonic into the beautiful, the duality of beauty as an instrument of sin. At the end of his life Gogol came to believe in the spiritual role of female beauty, but only in combination with the highest beauty - the purest "pigeon soul". As K. V. Mochulskij later wrote: "In the moral field Gogol was brilliantly gifted; he was destined to steeply turn all Russian literature abruptly from aesthetics to religion, to move it from the path of Pushkin to the path of Dostoevsky" [16, p. 645]. Moral and aesthetic research of the great writer has not lost its relevance to this day. Some

previously underestimated works of Gogol are now read in a new way, revealing deeper meanings put into them by the author.

Key words: Gogol; «Woman»; female beauty; «Horrible Vengeance» «Viy»; «Nevsky Prospect»; «Rome».

Тема женской красоты является ключевой в мировом искусстве и литературе. Николай Бердяев полагал, что «все ценности мировой культуры – это продукт извечного влечения человечества к Вечной женственности» [15, с. 2]. «Без мистического влечения к женственности, без влюбленности в Вечную женственность мужчина ничего не сотворил бы в истории мира» [3, с. 17].

В чем глубинный смысл прекрасного? Какое положение должна занимать женщина? Зачем одарена она от природы красотой, которая порой так притягательна и неоднозначна? Каково её предназначение и духовная роль? Эти вопросы всегда волновали и будут волновать человечество. Подобно своим современникам Гоголь не обошел их стороной в своем творчестве.

Как писал Василий Зеньковский, нельзя отделять творчество автора от тех идей и исканий, которыми он жил. Без этого невозможно до конца понять художественный мир писателя. Также Зеньковский справедливо замечает, что «своеобразие Гоголя – в многопланности в его произведениях» [7, с. 205].

В школьной и вузовской практике внимание в большей степени уделяется крупным произведениям классика. Такие тексты, как статья «Женщина», отрывок «Рим», «Выбранные места из переписки с друзьями», не изучаются отдельно и более основательно. Тем не менее они являются знаковыми и составляют общую идейно-смысловую и художественную целостность всего творчества Гоголя.

В этой связи цель данной статьи состоит в том, чтобы в рамках обозначенной темы, на материале как хорошо известных, так и менее изученных произведений рассмотреть творчески-идеологические установки Гоголя и проследить линию его мировоззренческих поисков.

Действительно, Гоголь касался «женской темы» в различных произведениях, в том числе прославивших его на весь мир. При этом в разных текстах определенно проявляются два плана, заметно оттеняющие один другой. С одной стороны, это упорная актуализация божественной природы женской красоты, а с другой стороны – констатация её двойственности. Так, Андрей Белый в своей книге «Мастерство Гоголя» указывал на предельную дуальность женских образов классика: «сквозная красавица» и «ведьма-труп» [1, с. 295].

Вместе с тем неоднократно было отмечено, что Гоголь описывал женскую красоту весьма однотипно. Многие литературоведы и критики с удивлением свидетельствовали об очень слабых, чуть ли не бессильных попытках писателя в создании того или иного женского облика. Сергей Георгиевич Бочаров, упоминая, что эта особенность гоголевского творчества давно является общим местом, отмечал: «Прекрасная женщина Гоголя безжизненна и ходульна» [4, с. 148].

В рамках обозначенной темы творчество Гоголя исследовали: В.Г. Белинский, первым отметивший значение писателя для современного ему литературного процесса, Д. С. Мережковский, давший на рубеже XIX–XX веков (наряду с другими критиками этого периода) новую трактовку творчеству Гоголя (в очерке «В тихом омуте»), К. В. Мочульский, показавший в своей книге «Духовный путь Гоголя» глубину его религиозных исканий, Ю. В. Манн с наиболее полным и объективным исследованием «Николай Гоголь. Жизнь и творчество», Рита Джулиани, профессор русского языка и литературы университета Ла Сапиенца, написавшая статьи и монографии, посвящённые творчеству Гоголя, в том числе произведению «Рим». Знаковой явилась статья С. Г. Бочарова «Филологические сюжеты» и её раздел, непосредственно касающийся нашей темы: «“Красавица мира”. Женская красота у Гоголя».

Для раскрытия намеченной темы выбраны произведения классика, по которым прямо или косвенно можно исследовать эстетические, философские и религиозные воззрения Гоголя. Красота мира в явлении женщины – то, с чего началось творчество писателя, и, являясь некой призмой, освещало весь его творческий путь.

Основным методом, который позволил рассмотреть разноплановые слои произведений и раскрыть особое мировосприятие, свойственное Гоголю, послужил феноменологический подход. В исследовании также констатируются выявленные ранее в науке интертекстуальные связи с античной и романтической литературой, а также христианскими текстами. Для отслеживания актуальности и дальнейшего развития разработанных Гоголем тем и образов использовался сравнительно-исторический анализ с обращением к творчеству некоторых писателей Серебряного века. В целом системный подход к исследованию по заданной теме позволяет обширнее посмотреть на неисчерпаемое наследие великого писателя, многие из произведений которого лишь спустя двести лет начинают обретать в глазах современников подлинные глубинные смыслы.

Обратимся к ранней статье Гоголя «Женщина». Как пишет Ю. В. Манн, начав печататься в феврале 1830 года, Гоголь «имени своего <...> по-преж-

нему объявить не решился, скрывшись под маской вымышленного повествователя <...> И только отрывок “Женщина” решился подписать “Н. Гоголь”, видимо, уже не испытывая сомнений в достоинстве своего нового опыта» [13, с. 73].

Здесь мудрец учит юношу, обезумевшего от ревности к прекрасной Алкиное, что цель любви – познание красоты, благодаря которой зреет и совершенствуется душа. В женщине «боги захотели отразить красоту, подарить миру благо и в нем показать свое присутствие на земле!» [8, с. 951].

Гоголь возвышенным, поэтическим языком, уподобляясь античным текстам, словами учителя Платона выражает, как много дает душе человека любовь женщины. Наставления учителя продолжаются призывом быть благодарным за краткий миг счастья, что «придвинулся ближе к верховному благу. Достижение совершенства божественной души и гармонии в мире возможно лишь через познание “языка богов”, т.е. женщину!..» [8, с. 951].

Обожествляя женщину, 22-летний писатель констатирует близость своих воззрений идеям «эстетического идеализма» Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. Гоголь в красоте стремился угадать божественное начало, при этом женская красота, женственность являлась для него в первую очередь эстетической идеей.

Кроме того, в русском обществе того времени появился спрос на учения древнегреческого философа Платона в самых разных аспектах. На рубеже XVIII–XIX веков в России сложилась «многослойная традиция восприятия Платона, созданная как классицизмом, так и православным богословием» [5, с. 198]. Скорее всего, молодой Гоголь не был знаком с оригинальными текстами античного мыслителя, а воспринимал его «учения о лестнице красоты» уже в трансформированном виде. Преломляясь в богатом художественном сознании, тема «эротической» природы человеческих интенций воспринималась им как «постепенное восхождение души от красоты земной – красоты тела – к красоте идеальной первоисточника» [18].

Однако, идеализация «языческой» пластики, переход от чувственного искусства к одухотворенному, согласие между вещественным и духовным, обозначенное в этюде «Женщина», явно не удовлетворяло писателя. На дальнейшем развитии женских образов в текстах его произведений можно косвенно увидеть изменения картины мира автора.

Критиками давно установлена связь гоголевских произведений с романтической литературой. Излюбленные романтические темы – это природа и любовь, при этом рассматриваемые всегда в двух аспектах, эмпирическом и метафизическом, соединяющие в себе внешние явления с внутренними, видимые с невидимыми.

Произведения зачастую наполнены мистикой, атмосферой тайны, вещими снами, перевоплощениями, таинственными и целебными силами природы. Природа в таком контексте как бы обозначала незримое присутствие Бога на земле. Основным мотивом романтиков – двойственность персонажей, переплетение реальности и фантастики, сдобренное гротеском.

Ранний Гоголь хорошо усвоил концепты «немецкого романтизма, верящего в благость Творца, осеняющего земной мир красотой и добром» [9, с. 17]. Развитие романтической темы существования иррационального зла как части этого мира, грехопадение, подчинение злу и неизбежное возмездие – следующий этап гоголевского творчества.

Образ Катерины в повести «Страшная месть», безусловно, трагический. Кроткая и верная жена, заботливая хозяйка, которая боготворит своего мужа и растит ему сына-наследника, сама, казалось бы, виновата в своей трагедии, так как, впервые обманув мужа, выпустила колдуна. Однако в большей степени мы видим, что, следуя романтическим канонам, Гоголь показывает власть роковой предопределенности и неотвратимость гибели героини-жертвы, чья воля полностью поработана злой силой, причем колдун – ее отец, человек, которому она, несмотря ни на что, доверяет и должна подчиняться, следуя патриархальным традициям.

Повесть «Вий» по своей тональности очень близко примыкает к «Страшной мести». Романтический дискурс предполагает наличие двух начал мироздания: мир видимый, обычный, и мир демонический, полный «нежити и страшилищ». Эти миры сблизилась и стали более осязаемы [6, с. 78].

Гоголь весьма правдиво живописует бурсаков, сотника, его казаков, малороссийский хуторской быт, пейзажи окрестностей Киева, но мертвый мир, населенный нечистой силой, Виём и панночкой-ведьмой, представлен также живым, на особый лад.

Образ панночки-ведьмы двойственен. Она отвратительная старуха и молодая красавица. Она мертва и жива одновременно. Она воплощает плоть, тлен, всё мертвое и трупное и, в то же время, скрывает в себе что-то болезненно-красивое и мечтательное. Красота её «несет в себе страшную опасность, ибо в ней заключено семя аморальности и злого соблазна» [12, с. 335].

Недаром, по замыслу автора, панночка-ведьма выбрала Хому. Об этом «философе» известно, что он такой, как его школьные товарищи и вообще киевские и окрестные обитатели: веселого нрава, ленивый, не обремененный умствованием, прожорлив, нечист на руку, лихо пьет горилку и отплясывает трепака, с философским равнодушием принимает семинарские наказания. Он весь плотский, в нем нет места душе и духу, это живой мертвец. Также мертва

церковь, в окнах которой застряли хари-нежити. Неудивительно, что страшное, потустороннее, демоническое укоренилось и прижилось на земле среди таких людей, как «философ» Хома, а в итоге и победило главного героя. Как замечает Д.С. Мережковский, «Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло <...> в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей...» [14, с. 214].

Красавица-брюнетка «Невского проспекта» напоминает ведьму-панночку «Вия». Но зло, погубившее неземную красоту, здесь не мистическое, полукомическое-полуреальное, восходящее к народным мифам и быличкам, а вполне обыкновенное, людское, безразлично-петербургское. Мир «Невского проспекта» настолько поврежден и искажен, порок, пошлость, мелкое тщеславие и зло настолько укоренились в нем, что совершенно перевернули всё с «ног на голову». «Красавица мира», поруганная развратом, гордится тем, как живет: «...Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работой...» [8, с. 291]. И такое положение вещей кажется непобедимым, поэтому, не желая мириться с несправедливостью этого мироустройства, главный герой решается уйти навсегда. На фоне всеобщего людского бездушия зло с легкостью побеждает слабые ростки любви, которой одной только дана способность преобразовать человека и действительность.

Следуя романтическому модусу, Гоголь представил обыденную жизнь «Невского проспекта» фантастическим иррациональным миром, которым управляет демон, и поруганная красота также служит проводником зла вместо того, чтобы, как и полагается ей, приносить в этот мир добрые плоды.

Повесть Гоголя «Рим», написанная одновременно с работой над «Мертвыми душами», демонстрирует завершенность мировоззренческих поисков автора. Она незримой нитью, начиная с этюда «Женщина», связана с другими произведениями писателя. Риторика «Рима» «позволяет говорить о настоящей “поэме в прозе”, сопоставимой с финалом первой части “Мертвых душ”» [11, с. 11].

В повести Гоголь снова указывает на божественную природу женской красоты, представив её в образе альбанки с говорящим именем Аннунциата, что значит «Благовещение». По сюжету, во время карнавального шествия молодой князь влюбляется в альбанскую красавицу, но потеряв её в толпе, вынужден отправиться на поиски с тем, чтобы только полюбоваться ею. В конце концов молодой человек увидел римский пейзаж, в лучах заходящего солнца. Этот вид поразил всё его существо: «...Боже, какой вид! Князь, объятый им, позабыл и себя, и красоту Аннунциаты, и таинственную судьбу своего народа, и всё что ни есть на свете...» [8, с. 412]. Гоголь напрямую указывает на церковь Святого Петра рядом с площадкой, на которой вид вечного города так потряс молодого князя: «...Недалеко от него церковь S. Pietro in Montorio.

Чтобы не стоять на дороге, он взошел на площадку, с которой открывался весь Рим...» [8, с. 411]. Поиски красавицы привели главного героя к «раю», в чем, как кажется, писатель и видит основное предназначение прекрасного.

В отрывке противопоставлены друг другу два города – Рим и Париж. Слово «город» в итальянском языке – женского рода. Рим воплощает в себе самодостаточную красоту вечного искусства и гармонию мира, Париж – наоборот, блестит, кричит, бесконечно движется. Париж – это олицетворение женщины произведений Гоголя «Женщина» и «Невской проспект». Сокровища Рима не видны поверхностному взгляду, и это – образ женщины зрелого Гоголя, внутренняя красота которой исцеляет душу и наполняет её гармонией и тишиной.

Красота и добро, по мнению автора, это пронизывающая сила, размягчающая существо человека. Намек на изображение спасающей красоты был предпринят Гоголем в сюжете с дочкой губернатора в первом томе «Мертвых душ», «тонкие черты» которой так поразили Чичикова. Но рядом с «увлекательной блондинкой» неразрывно присутствует её мать-старуха, как некая пародия на идеальную красоту.

Во втором томе мы должны были увидеть преображенного Чичикова в образе героя Тентетникова, «разбудить» которого должна была встреча с неземной красавицей Уленькой Бетрищевой. В описании её красоты Гоголь снова делает упор на «величественную скульптурность, божественную монументальность» [2, с. 20] своей героини. Образ идеальной, но земной женщины остался не до конца разработанным и в этом произведении.

Тем не менее писатель считает, что женщине дана свыше некая миссия, которую она должна исполнить. Так, в одном из своих последних произведений «Выбранные места из переписки с друзьями» он пишет: «Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки» [8, с. 994].

«Выбранные места из переписки с друзьями» – произведение, которое Гоголь написал без намеков, подтекстов и сложных образов, в публицистической манере, – не было принято ни духовенством, ни светским обществом. «“...Сама Божья мать не могла произвести таких чудес, каких ты ожидаешь, я не знаю, от какой дамы” – недоумевал М.П. Погодин, прочитав “Выбранные места”» [17, с. 414].

Писателю удавалось блестяще изображать пошлость, глупость и мерзость современного ему мира. Однако попытки найти идеальное сочетание эстетической красоты и православной одухотворенности не увенчались в его творчестве успехом.

Женская тема, обрамляющая творчество Гоголя подобно «раме» [4, с. 147], как писал С. Г. Бочаров, зазвучала по-новому через сто лет в произведениях авторов Серебряного века и русского зарубежья первой волны.

Наступившая техногенная цивилизация, облаченная в красивую яркую обертку, пугала неотвратимым обезличиванием человека и утратой духовных ценностей. Это то, чего так боялся Гоголь: «Точно, как бы вымерло все, как бы в самом деле обитают в России не живые, а какие-то “Мертвые души”» [8, с. 1032].

Подобно Гоголю, Борис Зайцев противопоставлял в своем творчестве Италию и Францию. Париж, по его представлениям, был воплощением пороков современного мира: «Париж насыщен похотью – к богатству, власти, женщине и славе» [10, с. 35]. Совсем близкими к гоголевской двойственности женской красоты, звучат размышления Зайцева о символе Парижа – соборе, посвященном покровительнице этого города, Богоматери: «Зверь не укрощен и не гармонизирован. Всюду еще морду высовывает. Химеры, черти, собачьи головы средневековья...» [10, с. 35].

Похожая нежить, в виде чертей, колдунов, панночки-ведьмы явлена в ранних произведениях Гоголя и символизирует различные «мерзости» ослепших или мертвых душ, с которыми боролся писатель: «...Не смущайтесь мерзостями и подавайте мне всякую мерзость! Для меня мерзости не в диковинку: я сам довольно мерзок <...> И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобил он меня, хотя отчасти, узнать мерзости как мои собственные, так и бедных моих собратьев...» [8, с. 1052].

Будто бы в подтверждение нашей догадки о том, что в отрывке «Рим» Гоголя города Париж и Рим символизируют противоположные женские образы, Петр Иванов в своем лирическом эссе «La dame de Paris» (1925 г.), сделал символом Парижа бесплодную даму, утратившую духовное начало и представляющую из себя «мертвый манекен моды» [10, с. 38].

Темы, волновавшие Гоголя двести лет назад, по-прежнему актуальны. Человеку также, как и прежде, требуется эстетическая вера в спасающую силу прекрасного. В обществе, где размываются многие основополагающие понятия и смыслы, нивелируются христианские ценности, важно не потерять внутренние ориентиры. Основная мысль зрелого Гоголя о спасении человека посредством эстетического и духовного развития звучит и сегодня по-прежнему с поразительной остротой.

Список литературы

1. Белый А. Собрание сочинений. Том IX. Мастерство Гоголя. Исследование. М.: Дмитрий Сечин, 2013. 559 с.
2. Беляева И. А. Портреты «русской Беатриче» в прозе Н.В. Гоголя и И. А. Гончарова // Русистика и компаративистика: сб. науч. статей. Вып. VI. Вильнюс: Edukologija, 2011. С. 16–25.

3. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Бердяев Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. М.: Прометей, 1989. С. 17–51.
4. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. 656 с.
5. Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.
6. Воронский А. К. Гоголь / вступит. ст. В.А. Воропаева. М.: Молодая гвардия, 2019. 300 с.
7. Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / предисл., сост. Л. Аллена. СПб.: Logos, 1994. 343 с. (Судьбы. Оценки. Воспоминания. XIX–XX вв.)
8. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2018. 1231 с.
9. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. 340 с.
10. Громова А. В. Проблемы адаптации и межкультурного взаимодействия в литературе русского зарубежья первой волны. М.: МГПУ, 2016. 234 с.
11. Джулиани Р. Сюжетные и жанровые особенности «Рима» // Гоголь и Италия: Материалы Международной конференции «Николай Гоголь: между Италией и Россией». Рим, 30 сентября – 1 октября 2002 г. М.: РГГУ, 2004. 285 с.
12. Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект Пресс, 2004. 813 с.
13. Манн Ю. В. Николай Гоголь. Жизнь и творчество. М.: Русский язык, 1988. 288 с.
14. Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. 489 с.
15. Мещанский А. Ю. Художественная интерпретация гоголевских образов в творчестве Н. Садур // Вестн. Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и Социальные науки, 2010. № 1. С. 56–60.
16. Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Н. В. Гоголь: pro et contra: личность и творчество Н. В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей: антология / сост. С. А. Гончаров. СПб.: Изд-во Рус. христианской гуманитарной акад, 2009. 1037 с.
17. Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. Т. 1 / редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; вступ. статья А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Виролайнен. М.: Худож. лит., 1988. 479 с.
18. Прохорова И. Е. Журнально-публицистические статьи Н.В. Гоголя: вариации на «женскую тему» // Медиаскоп. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. URL: Журнально-публицистические статьи Н.В. Гоголя: вариации на “женскую тему”. Электронный научный журнал «Медиаскоп» (mediascope.ru) (дата обращения: 17.12.2021).

References

1. Belyu, A. *Sobranie sochineniy. Tom IX. Masterstvo Gogolya. Issledovanie* [Collected Works. Volume IX. The Mastery of Gogol. A Study]. Moscow: Dmitriy Sechin, 20013. 559 p. (In Russian).
2. Belyaeva, I. A. *Portrety «russkoy Beatriche» v proze N.V. Gogolya i I.A. Goncharova* [Portraits of the "Russian Beatrice" in the prose of N. V. Gogol and I.A. Goncharov]. *Rusistika i komparativistika. Sb. nauch. Statey – Russian Studies and Comparativism*. Collection of scientific articles. Issue VI, 2011. Pp. 16–25. (In Russian).

3. Berdyaev, N. A. *Metafizika pola i lyubvi* [The Metaphysics of Sex and Love]. Berdyaev N.A. *Eros i lichnost': Filosofiya pola i lyubvi* [Berdyaev N.A. Eros and Personality: Philosophy of Sex and Love]. Moscow: Prometei, 1989. Pp. 17–51. (In Russian).
4. Bocharov, S. G. *Filologicheskie syuzhety* [Philological subjects]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 656 p. (In Russian).
5. Vayskopf, M. *Ptitsa troyka i kolesnitsa dushi: Raboty 1978–2003 godov* [The Bird of Three and the Chariot of the Soul: Works 1978–2003]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 576 p. (In Russian).
6. Voronskiy, A. K. *Gogol'* [Gogol]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2019. 300 p. (In Russian)
7. Gippius, V. *Gogol'; Zen'kovskiy, V. N.V. Gogol'*. St. Petersburg: Logos, 1994. 343 p. (In Russian).
8. Gogol, N. V. *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. Moscow: Alfa-kniga, 2018. 1231 p. (In Russian).
9. Goncharov, S. A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste: Monografiya* [Gogol's Work in Religious and Mystical Context: A Monograph]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1997. 340 p. (In Russian).
10. Gromova, A. V. *Problemy adaptatsii i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v literature russkogo zarubezh'ya pervoy volny* [Problems of Adaptation and Intercultural Interaction in the Literature of the Russian Abroad of the First Wave]. Moscow: MGPU, 2016. 234 p. (In Russian).
11. Dzhuliani, R. *Syuzhetnye i zhanrovye osobennosti «Rima»* [Narrative and Genre Features of "Rome"]. *Gogol' i Italiya: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Nikolay Gogol': mezhdu Italiy i Rossiy»* [Gogol and Italy: Proceedings of the International Conference "Nikolai Gogol: Between Italy and Russia"]. Rim, 30 Sept – 1 Okt. 2002. Moscow: RGGU, 2004. 285 p. (In Russian).
12. Mann, Yu. V. *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and Days: 1809–1845]. Moscow: Aspekt Press, 2004. 813 p. (In Russian).
13. Mann, Yu. V. *Nikolay Gogol'. Zhizn' i tvorчество* [Nikolai Gogol. Life and work]. Moscow: Russkiy yazyk, 1988. 288 p. (In Russian).
14. Merezhkovskiy, D. S. *V tikhom omute: Stat'i i issledovaniya raznykh let* [In a Quiet Pool: Articles and Studies from Various Years]. Moscow: Sov. pisatel', 1991. 489 p. (In Russian).
15. Meshchanskiy, A. Yu. *Khudozhestvennaya interpretatsiya gogolevskikh obrazov v tvorchestve N. Sadur* [Artistic Interpretation of Gogol's Images in the Works of N. Sadur]. *Vestnik Pomorskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i Sotsial'nye nauki – Bulletin of the Pomorsky University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2010. Issue 1. Pp. 56–60. (In Russian).
16. Mochul'skiy, K. V. *Dukhovnyy put' Gogolya* [Gogol's Spiritual Path]. *N. V. Gogol': pro et contra: lichnost' i tvorчество N. V. Gogolya v otsenke russkikh pisateley, kritikov, filosofov, issledovateley: antologiya* [N. V. Gogol: pro et contra: personality and work of N.V. Gogol in the assessment of Russian writers, critics, philosophers, researchers: an anthology]. St. Petersburg: Izd-vo Rus. khristianskoy gumanitarnoy akad., 2009. 1037 p. (In Russian).
17. *Perepiska N. V. Gogolya: v 2-kh t.* [Correspondence of N. V. Gogol: In 2 vols]. T. 1. Moscow: Khudozh. lit., 1988. 479 p. (In Russian).
18. Prokhorova, I. E. *Zhurnal'no-publitsisticheskie stat'i N.V. Gogolya: variatsii na «zhenskuyu temu»* [Gogol's journal and journalistic articles: variations on a "women's theme"]. *Mediaskop*. 2010. Issue 3. [Elektronnyy resurs]. URL: [Zhurnal'no-publitsisticheskie stat'i N. V. Gogolya: variatsii na “zhenskuyu temu” | Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Mediaskop» \(mediascope.ru\)](http://Zhurnal'no-publitsisticheskie-stat'i-N.V.-Gogolya-variatsii-na-zhenskuyu-temu) (data obrashcheniya: 17.12.2021).

А. Э. Васильева

Рассказы В. С. Маканина «Пойте им тихо» и «Ключарев и Алимущкин» и литературная традиция

Данная статья является частью исследования «Литературные традиции в прозе В. С. Маканина», посвященного традициям классической литературы в прозе писателя, и раскрывает изображение некоторых из них в рассказах «Ключарев и Алимущкин» и «Пойте им тихо». Через персонажей обыкновенных, рутинных и непримечательных Маканин касается вечных тем человечества, заставляющих читателей задуматься о том, насколько близки каждому из нас подобные вопросы. Казалось бы, простые сюжеты становятся проводниками в мир великих вопросов человечества, позволяют задуматься о том, что и в простой житейской действительности есть место сложным духовным размышлениям. И главное – средний обыватель оказывается способен их постигнуть и дать на них свой ответ. А связь с предшествующей литературой только лишней раз это подтверждает. В анализируемых рассказах частная жизнь насыщена сложными философскими вопросами, которые издавна волнуют писателей и всё человечество. Писатель предложил свое, отчасти горькое и ироничное, их прочтение.

Ключевые слова: «Ключарев и Алимущкин», «Пойте им тихо», литературная традиция, параллель, отсылка, обстоятельства, психологизм.

Anastasiya E. Vasil'eva

Stories by V. S. Makanin “Sing to them softly” and “Klyucharev and Alimushkin” and literary tradition

This article is part of the study "Literary traditions in the prose of V. S. Makanin", dedicated to the traditions of classical literature in the prose of the writer, and reveals the image of some of them in the stories "Klyucharev and Alimushkin" and "Sing to them softly." Through ordinary, routine and unremarkable characters, Makanin touches on the eternal themes of humanity, making readers think about how close such questions are to each of us. It would seem that simple plots become guides to the world of the great questions of mankind, allow you to think about the fact that even in simple everyday reality there is a place for complex spiritual reflections. And most importantly – the average man in the street is able to comprehend them and give them his answer. And the connection with previous literature only once again confirms this. In the analyzed stories, private life is full of complex philosophical issues that have been worrying writers and all of humanity for a long time. The writer offered his own, somewhat bitter and ironic, reading of them.

Key words: "Klucharev and Alimushkin", "Sing softly to them", literary tradition, parallel, reference, circumstances, psychologism.

В произведениях конца XX века можно часто наблюдать отсылки к произведениям классиков. Близки они и по тематике, которая была актуальна и для писателей прошлого, и оказалась актуальна сейчас, что, несомненно, дает повод проследить преломление традиций на примере творчества одного писателя или группы писателей. Не исключение и творчество В. С. Маканина. Благодаря отсылкам к классическим произведениям, проза Маканина приобретает многоплановость. Для образованного читателя за пластом сюжета скрывается пласт задуманных автором смыслов, раскрыть которые можно лишь будучи знакомым с классической литературой. Как литературные традиции, используемые В. С. Маканиным в своих произведениях, влияют на интерпретацию смысла текста? Сюжеты рассказов Маканина на первый взгляд просты, но при более внимательном прочтении мы видим в них глубокий подтекст. Вечные вопросы, затрагиваемые в произведениях писателя, никогда не перестанут волновать человечество, но как их преподнести читателю, чтобы заставить вновь задуматься.

Особенностями рассказов «Пойте им тихо» и «Ключарев и Алимусшкин» является то, что отсылки к традициям прошлого в них скрыты. Требуется не просто читательский опыт, но и анализ, чтобы проследить традицию в тексте рассказа. Диалог с традицией и освоение Маканиным художественного опыта предшественников и современников определяют направление его творческих поисков. Через анализ данных рассказов мы увидим, каким образом включаются традиции классики, на первый взгляд неочевидные и незаметные, и как эти включения влияют на понимание произведений в целом.

Первый рассказ из рассматриваемых нами – «Пойте им тихо» написан в 1974 году. Незамысловатое внешне действие происходит в больничной палате. Рассказ отчасти автобиографичен – писатель в 1972 году попадает в аварию. Об этом пишет в своей книге М. Ф. Амузин: «впечатления от этого периода жизни послужили основой для пронзительного рассказа «Пойте им тихо» [2, с. 66]. У текста кольцевая композиция – начало и финал практически совпадают, события не изменяют уклад жизни героев. Пространство больницы замкнуто. Стены будто бы давят на и без того угнетенных героев. В привычный порядок больничной жизни вносит изменения только один герой – тётка Петисолдата. Она – некий проблеск света, но она появляется ненадолго, и к концу произведения все вновь становится как было.

Герои условно делятся на две группы:

- Врачи, медсестры, посетители, профессор – не желающие признать реальное положение вещей перед собой и другими
- Больные, тетка – принимающие действительность

Поясним такое деление и начнем с первой группы. С первых строк рассказа появляется давящее впечатление, некое сопротивление происходящему. Например, когда профессор обходит палату: *«Он бегло просмотрел дела больных, еще более бегло прошел вдоль коек. Он входил в палату и почти тут же выходил. Он прямо-таки промчался»* [8]. Сразу становится ясно, что он не желает долго находиться рядом с больными, он чувствует их подавленность. Состояние в палате передано автором очень точно в предложении *«У ямы есть края»* [8]. Яма здесь – символ безвыходности положения пациентов.

Такое же отношение и у лечащего персонала. Врачи отвечают профессору отвлеченно, лишь потому, что надо что-то ответить: *«Лечащие врачи согласно закивали головами: да, да, конечно... психика – это важно. На самом деле почти все они ему не поверили. Они решили, что «светило» чудачествует»* [8]. Палату между собой называют «тяжелейшей» и складывается впечатление, что в ней лежат не парализованные люди, а почти мертвые. И у здоровых такое мнение стало привычным, обыденным, будто так было всегда и по-другому быть не может. Для других в этой палате несчастных живых людей – они бездвижные тела, которые жили когда-то и, возможно, будут жить потом. *«Мне только Юрочка Орлов нравится. Хоть бы он выжил...»* [8], – говорит медсестра, забывая о том, что Юра – живой.

Такое отношение подтверждают и слова посетителей. Например: *«Я люблю тебя бодрого и веселого. Я люблю тебя мужественного. Такого, каким ты был...»* [8], – говорит жена Щербины. Или: *«Господи, до чего же ты стал слабым. Как мне не повезло»* [8]. Его жена постоянно указывает ему на то, что он «раскис». Это слово встречается в их диалоге 3 раза. Жена пытается поговорить о чем-то отвлеченном, бытовом, а Щербина – о своей болезни, но жена не слышит его. Практически все посетители ведут себя подобным образом. Они указывают на то, что жизнь там, за больничным окном, а здесь они не живут, а только ожидают жизнь; никто не хочет говорить с пациентами об их несчастье, знать, что у них на душе. Отец и брат Орлова тоже не видят его тревог. *«Они думают, что я прежний»* [8], – говорит Орлов.

Первая группа героев как-бы закрывает глаза на происходящее, не видит глубины проблемы. Но автор не дает оценку этим персонажам. В рассказе нет назидательности, только печальная и жесткая правда жизни. Подтверждают

это слова Большева «Маканин не обвиняет и не защищает своих героев. Он анализирует действительность без гнева и пристрастия» [4, с. 497–498].

Теперь перейдем ко второй группе персонажей. Стоит в первую очередь отметить Щербину. Это персонаж на границе: сначала он, сильный волевой человек, подобно врачам, подбадривает соседей по палате: *«А Щербина смеялся, смеялся через боль и через боль работал руками. <...> Он не прекращал этого, даже если входил врач с сугубо деловым видом. И врачу это нравилось»* [8]. И за это другие больные не любили Щербину. Он казался им не таким, будто он и не болел вовсе: *«Если бы он просто делал упражнения, это одно. Это терпимо. Но он непременно хотел кого-то втянуть в разговор»* [8]. Но и у этого героя произошел слом. Болезнь и страх победили: *«Стало вдруг понятно, что это не герой. Что это человек»* [8].

Для других пациентов так же, как и для врачей гнетущее состояние – норма. Им было жаль себя, часто в тексте, когда речь идет об отношениях больных к самим себе, используются выражения: «тягостно», «жаль», «казалось несправедливым», «жаловались». Но главной бедой они считали не сломанные позвоночники, а что из-за этого они теперь оторваны от жизни, они вне ее и даже самым близким нет до этого дела: *«– Не понимают они нас. – А ты не жди этого»* [8]. Или: *«Он уже в пятый раз «вдруг вспомнил», как он разбился»* [8].

Переломным моментом рассказа является появление тётки Пети-солдата. В тексте подчеркивается, что: *«Она разительно отличалась от других посетителей»* [8]. Тётка – посетитель почти случайный: *«Она приехала не только навестить Петю, но и купить здесь, в Москве, мебель»* [8]. Но, тем не менее именно она помогла больным поверить, что они все еще что-то значат. Она дала им именно то, чего так не хватало пациентам – сочувствие: *«Орлов сказал все, что думал. Он сказал, что врач даже представить себе не может, насколько он, врач, ниже этой старухи с перепутавшимися мозгами и как много старуха значила»* [8]. Нельзя не отметить того, что после сказанного ему врач на время переменил отношение к больным, подольше оставался в их палате, задумался о значении слов Орлова. Несомненно, тетка оказала положительное влияние на душевное и физическое состояние больных, хоть и провела в палате только несколько дней. Пациенты «тяжелейшей» палаты несчастны, но живы здесь и сейчас, а не бодрые когда-то. Получается, они были веселыми и надо стремиться стать вновь такими же, а пока, увы, они не живые в полной мере? Так быть не должно. Это понимает тетка и ни к чему не призывает, что произвело на пациентов поразительный оздоровительный эффект.

Финал рассказа печален: он оставляет впечатление безвыходности, чему способствует кольцевая композиция рассказа. Этот день закончится и завтра будет такой же: *«И теперь к вечеру в палате оставались только больные. Все те же лица. Как и каждую ночь»* [8].

Анализируя рассказ Маканина, нельзя не провести параллели с другими произведениями. А именно с повестью Льва Николаевича Толстого «Смерть Ивана Ильича». У произведений схожий сюжет. Иван Ильич страдает так же как и маканинские герои: *«Главное мучение Ивана Ильича была ложь <...> И его мучила эта ложь, мучило то, что не хотят признаться в том, что все знали и он знал»* [9, с. 325]. Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская отмечают: «Общественные установления, опутывающие жизнь человека паутиной лицемерия и лжи, вытравляющие из нее всё человеческое, — вот истинная причина драмы Ивана Ильича» [1, с. 553]. А Герасим, так же, как и тетка Пети-солдата, выражает искреннее сострадание, не скрывает правды и тем самым становится единственным понимающим человеком в окружении больного.

Основным сближающим мотивом произведений является человек перед лицом смерти. Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская указывают: «Тему «Смерти Ивана Ильича» Толстой определил, как описание простой смерти простого человека» [1, с. 553]. Иван Ильич — самый обыкновенный человек, ничем не выделявшийся из окружающих, подобно пациентам палаты в «Пойте им тихо» — они так же самые обычные люди. Таким образом, вечная тема смерти становится рядом с темой простой жизни рядового человека. Это помогает, как пишет М. Ф. Амузин «сделать для читателей годными к употреблению, интересными картины обыденной действительности, до боли и скуки знакомой им по собственному повседневному опыту» [2, с. 56].

Второй рассматриваемый нами рассказ — «Ключарев и Алимускин» написан в 1979 году. Ключарев — сквозной герой в творчестве В. С. Маканина, и произведения с участием Ключарева сводятся М. Ф. Амусиным в единый «Ключарев-роман» [2, с. 67]. «Существование Ключарева, его семьи, его человеческого окружения с самого начала представляется в аспекте серийности, типичности» [2, с. 68]. Ключарев — простой советский математик, он не эгоистичен и с первых страниц рассказа вызывает читательское одобрение: *«Человек заметил вдруг, что чем более везет в жизни ему, тем менее везет некоему другому человеку <...> Человеку это не понравилось. <...> Это меня угнетает и мешает мне жить»* [7]. Такие мысли обычно несвойственны везучим людям: счастливый редко думает, что является причиной чьих-либо неудач. Нужно отметить, что разговор с Богом по художественному времени не является моментом начала рассказа, скорее, он должен стоять где-то в середине. Но таким образом автор сразу показывает основной конфликт произведения —

счастье одного человека за счет несчастья другого. М. Ф. Амосин раскрывает этот тезис так: «Речь идет не просто о том, что благо и счастье распределены между людьми неравномерно, – кого этим удивить. Писатель «заостряет тезис» – два человека представляют собой систему «сообщающихся сосудов» (больше везет одному, меньше другому)» [2, с. 122].

Образуются как бы две чаши весов: на одной находится Ключарев с его прибывающим счастьем, на другой – погибающий Алимущкин. Ключарев безусловно персонаж положительный, но презрительное отношение к просьбе жены помочь малознакомому человеку несколько снижает героя в глазах читателя. Здесь мы не видим того благородного порыва думать о счастье ближнего, какой присутствовал в самом начале: «[Ключарев] *не сдержался, фыркнул. Женщины – прелесть. Только они могли додуматься до такого. Прийти к малознакомому типу и сказать: «Привет, родной, говорят, ты погибаешь?»*» [7]. Ключарев посмеивается над просьбой жены, но, тем не менее, судьба Алимущкина начинает его волновать. Ключарев незаметно для себя постоянно переводит разговор на Алимущкина со всеми, кто знаком со страдающим. Рождается невероятная теория: «*Возникла вдруг мысль: а что, если ему стало везти за счет этого Алимущкина? <...> Мысль, разумеется была глуповатая. Мысль была секундная и, в общем, игрушечная*» [7]. Но эта «игрушечная» теория захватывает героя, и он начинает невольно искать ей подтверждение, становится практически одержим. Разговор с женой Алимущкина как бы опровергает теорию Ключарева: «*Он думал так: если бы мне и впрямь везло за счет Алимущкина, его жена сегодня бы положила на меня глаз*» [7]. Но это опровержение не успокаивает героя, и теория не отпускает его ни на секунду, так как для самого Ключарева она становилась все менее «игрушечной». «*И врач, словно он тоже считал, что Ключарев виновен перед беднягой своими удачами, сурово посмотрел на него*» [7], – но это отражение мыслей самого героя. Во власти теории Ключарев почти не рад своим успехам, потому что рядом человек угасает на глазах, тогда как сам Ключарев взлетает вверх по служебной лестнице и имеет счастье в семье.

В свою очередь Алимущкин, находясь на противоположной чаше весов, является зеркальным отражением Ключарева. Это такой же простой человек, у него есть семья и работа. Но волей судьбы герой лишается и работы, и жены, и душевного спокойствия. Алимущкина в свою очередь не мучают никакие теории – он весь в своем несчастье. Противопоставление героев проявляется и в их характеристике. Ключарев – веселый, энергичный, жена его – скромная, тихая, пугливая; тогда как Алимущкин – безвольный, апатичный и, как говорит автор «погибающий», а его жена дерзко красива, уверена в себе. Удачи и

неудачи героев идут бок о бок. Такая зеркальность дает нам возможность увидеть контраст героев и яснее раскрывает конфликт рассказа.

Алимушкин вызывает жалость читателя, хотя сам себя не жалеет. При его описании Маканин употребляет такие слова как «мямлит», «заспанный», «бездеятельный», «слабый». Его окружает такое же «вялое» общество: «[старик-сосед] *был болен, необщителен и глух как пень*» [7]. У героя нет стремления что-либо менять в своей жизни, потрясенный переменами он замкнулся в себе. Яма, в которую попал герой, кажется ему бездонной. Появляется мотив безвыходности и отчаяния, из которого невозможно выбраться. Ключареву не по себе в обществе Алимушкина, но растормошить его никак не удастся, даже на вопрос «*Скажи, как с тобой все это стряслось?*» [7]. Алимушкин не может дать внятный ответ: «*Алимушкин молчал, он не совсем понимал, о чем речь <...> и ответил Ключареву: нет, ничего особенного не случилось и не произошло, почувствовал, что погибаю, вот и все*» [7]. Болезнь и смерть героя явились естественными следствиями такого глубокого отчаяния. Действия героев в рассказе передают их состояние предельно точно. Автор не использует длительных описаний – создается ощущение, что и мы, читатели, находимся в той самой комнате, где беседуют Ключарев и Алимушкин. По действиям их мы будто своими глазами читаем их внутренний мир.

Финал рассказа также пессимистичен – отчаяние, невозможность выкарабкаться привели героя к смерти, тогда как зеркальный двойник его, Ключарев, остается при своем счастье. Несправедливость судьбы и невозможность что-либо изменить заставляет читателя задуматься о том, что подобное (как удача, так и неудача) может произойти с каждым. М. Ф. Амосин пишет: «Спрос за такую странную зависимость и несправедливость, конечно, с Бога. Он, впрочем, предстает у Маканина вполне номинальной, неответственной инстанцией и ответ дает как бы шуточный, но в рамках маканинской концепции вполне принципиальный: *блага на всех не хватает, кто-то всегда преуспевает за счет другого*» [2, с. 122].

Рассказ «Ключарев и Алимушкин» не первый в литературной традиции захватывает тему счастья человека. Одним из авторов, затронувших данную проблему был создатель «Человеческой комедии» О. Бальзак. Допустимо ли человеку иметь счастье, основанное на несчастье другого человека? Что, если для благополучия необходимо горе другого или даже смерть? Свой ответ дает герой повести «Отец Горио» Бьяншон: «*Наше счастье, дорогой мой, всегда будет заключено в границах между подошвами наших ног и нашим теменем, – стоит ли оно нам миллион или сто луддоров в год, наше внутреннее ощущение*

от него будет совершенно одинаково. Подаю голос за сохранение жизни твоему китайцу» [3]. Если в начале разговора, когда Растиньяк спрашивает, согласен ли он обрести богатство за счет смерти неизвестного китайского мандарина, Бьяншон с легкостью соглашается, но подумав, начинает сомневаться и в конце концов категорически отказывается от такой возможности. Бьяншон осознает, что: *«Человеческие склонности находят и в пределах очень маленького круга такое же полное удовлетворение, как и в пределах самого большого»* [3]. Только вот у Ключарева такого выбора, как у Бьяншона, не было – он был рабом обстоятельств, поэтому и страдал от осознания, что является частью некой, так скажем, «системы распределения счастья между людьми». Ключарев, возможно, не отказался бы от своих успехов, но осознание, что его везение приходит к нему за счет страдания Алимускина, делает вкус счастья не таким приятным. Ответ на волнующий героев вопрос один: *«Человек имеет право быть счастливым, но не во вред счастью других людей»* [6].

Так, через героев обычных Маканин преподносит вечное, волнующее всех. В этом проявляется мастерство писателя и способность разглядеть нечто важное, под прикрытием обыденности.

Обращает внимание на себя то, что психологизм в обоих рассказах схож с психологизмом А. П. Чехова – чувства героев не описываются подробно, даются лишь намеки, а читатель додумывает, и будто бы сам переживает то же, что герой. Формально, речи о душевном состоянии героев почти не идет. Маканин, подобно Чехову, сосредотачивает внимание читателя на внутреннем состоянии обыкновенных, окруженных обыденностью жизни, с помощью бытовых деталей. *«У Чехова внимание к процессам внутренней жизни никогда не заостряется и не подчеркивается <...> О душевных движениях повествуется на равных правах с внешними событиями, а иногда и вообще как бы между прочим, мимоходом»* [5, с. 162–163].

Рассказы Маканина почти бессобытийны. Частная ситуация из жизни рядового человека – вот сюжет рассказов «Пойте им тихо» и «Ключарев и Алимускин». Но в рамки этой самой бессобытийности помещаются вечные проблемы человечества – смерть, обретение счастья, добро и зло.

Список литературы

1. Агеносов В. В. История русской литературы XX века: в 2 ч. Ч. 2: учеб. для бакалавров / В. В. Агеносов [и др.]; под общ. ред. В. В. Агеносова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 687 с.
2. Амузин М. Ф. Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина. М.: Эксмо, 2010. 448 с.

3. Бальзак О. Отец Горио // Онлайн-библиотека Максима Мошкова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/BALZAK/gorio.txt> (дата обращения: 02.02.2022).
4. Большев А., Маканин В. С. Русская литература XX в. Прозаики, поэты, драматурги: библиогр. словарь: в 3 т. / под ред. Н. Скатова. М.: 2005, Т2 З – О. С. 497–498.
5. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
6. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): моногр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
7. Маканин В. С. Ключарев и Алимущкин // Онлайн-библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <http://mreadz.com/id51414> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Маканин В. С. Пойте им тихо // Онлайн-библиотека. URL: <http://litbook.net/book/121937/pojte-im-tiho/page-16/> (дата обращения: 28.01.2022).
9. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Повести. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1985. 512 с.

References

1. Agenosov, V. V. *Istoriya russkoj literatury XX veka*: [History of Russian literature of the XX century: in 2 h]. Part 2: textbook for bachelors v 2 ch. ЧН. 2: учебник для бакалавров. V. V. Agenosov [i dr.]; pod obshch. red. V. V. Agenosova. 2-e izd., pererab. i dop. М.: YUrajt, 2013. 687 s.
2. Amusin, M. F. *Alhimiya povsednevnosti: ocherk tvorchestva Vladimira Makanina* [Alchemy of everyday life: an essay on the work of Vladimir Makanin]. М.: Eksmo, 2010. 448 s.
3. Bal'zak, O. *Otec Gorio* [Father Goriot]. Onlajn-biblioteka Maksima Moshkova. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/BALZAK/gorio.txt> (data obrashcheniya: 02.02.2022).
4. Bol'shev, A. *Makanin V. S. Russkaya literatura XX v. Prozaiki, poety, dramaturgi: Bibliograficheskij slovar' v 3 t.* / [Makanin V. S. / A. Bolshev // Russian literature of the XX century. Novelists, poets, playwrights: a Bibliographical dictionary in 3 volumes]. Pod red. N. Skatova. М.: 2005, Т2 З. О. С. 497–498.
5. Esin, A. B. *Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury: Kn. dlya uchitelya* [Psychology of Russian classical literature: Vol. for teachers]. М.: Prosveshchenie, 1988. 176 s.
6. Lipoveckij, M. N. *Russkij postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki): monografiya / M.N. Lipoveckij*. [Russian postmodernism (Essays on historical poetics): monograph]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1997. 317 s.
7. Makanin, V. S. *Klyucharev i Alimushkin* [Klyucharev and Alimushkin] Onlajn-biblioteka. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mreadz.com/id51414> (data obrashcheniya: 01.02.2022).
8. Makanin, V. S. *Pojte im tiho* [Sing them softly] Onlajn-biblioteka. URL: <http://litbook.net/book/121937/pojte-im-tiho/page-16/> (data obrashcheniya: 28.01.2022).
9. Tolstoj, L. N. *Smert' Ivana Il'icha* [The Death of Ivan Ilyich Povesti]. Rasskazy. М.: Sov. Rossiya, 1985. 512 s.

УДК 81.161.1'38:659.1

ГРНТИ 16.21.07

DOI 10.35231/25419803_2022_1_52

М. В. Ягодкина

Формирование персональной идентичности в рекламной коммуникации

Статья посвящена анализу одного из вопросов самоидентификации человека через потребляемый им товар. Рекламная коммуникация использует рациональные и эмоциональные способы воздействия, строится с учётом особенностей потребителя и позволяет влиять на персональную идентичность через не прямое самоутверждение, противопоставление группе потребителей, прямое приобщение к группе людей, потребляющих товары определённой торговой марки.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, самоидентификация, персональная идентичность.

Mar'yana V. Yagodkina

Formation of personal identity in advertising communication

The article is devoted to the analysis of one of the issues of a person's self-identification through the goods he consumes. Advertising communication uses effective and emotional influences, is built taking into account the characteristics of consumers and allows for personal identification through indirect self-affirmation, opposition of a group of consumers, direct involvement with a group of people who consume goods of a certain brand.

Key words: advertising communication, self-identification, personal identity.

На современном этапе вопросы, связанные с изучением идентичности личности стали актуальными для исследователей из различных научных сфер [1; 3; 4; 6; 9]. Само по себе осознание человеком собственной соотнесённости с определённой группой становится проблемой многоаспектной рефлексии. Быстро меняющаяся культура, технический прогресс и процессы глобализации – всё это не позволяет личности определиться раз и навсегда. Особенности проблемы возникли в XXI веке в момент пандемии COVID-19,

когда были нарушены привычные коммуникативные связи: «Для личностной идентичности очень важно иметь не только внутренние, но и внешние «точки опоры», с которыми индивид может идентифицироваться. И именно поэтому так важны коммуникативные отношения индивида с другими» [7, с. 129].

Современный человек постоянно подвергается воздействию внешних рекламных факторов при выстраивании самоидентификации. В процессе самоидентификации происходит коррелирование ценностей личного характера и набора ценностей у других людей. Поиск личной индивидуальности в контексте массового потребления предполагает восприятие и репродукцию моделей поведения. В качестве образцов предьявляются рекламные персонажи. Специфика индивидуального поведения зависит от включения в контекст потребления. В свою очередь, потребление продукта, которое с одной стороны ориентировано на удовлетворение индивидуальной потребности, например, в защите от холода (приобретение одежды), с другой стороны, покупка товара позволяет продемонстрировать определённый статус, приверженность к системе ценностей и принадлежность к социальному слою (приобретение одежды определённой марки). Таким образом человек включается в систему креолизованной коммуникации: приобретаемый товар становится специфическим знаком, способом заявить о себе. Товар позволяет репрезентировать и идентифицировать личность за счёт взаимосвязи семиотической категории означаемого и означающего.

С точки зрения рекламной коммуникации можно в первую очередь говорить о категории «престижности-непрестижности» приобретаемого товара. Приобретая престижный товар потребитель автоматически повышает свой статус в своих собственных глазах и в глазах окружающих. В связи с этим, весьма важной характеристикой становится подлинность товара. Так сайт Luxxu.com на главной странице указывает, что «Каждая вещь проходит процедуру аутентификации – проверки на подлинность с выдачей сертификата» [2].

Рекламируемый продукт включается в сложную коммуникативную цепочку, в которой, за счёт манипуляции рациональными и эмоциональными мотивами потребителя, формируется своеобразный «айсберг»: рациональные мотивы находятся на поверхности, они видны и достаточно понятны, логически объяснимы, а эмоциональные мотивы зачастую скрыты и их можно вывести только посредством дополнительного анализа и актуализации. Так при покупке шампуня на поверхности находится рациональный мотив «чистые волосы». Однако, в рекламе товар приобретает дополнительные характеристики, которые не связаны с чистотой. Например, шампунь от «Nivea»: «*Это серия с*

микрочастицами бриллиантов дарит твоим волосам роскошный бриллиантовый блеск. Волосы, к которым хочется прикасаться: ухоженные и сияющие. Роскошный блеск твоих волос с серией “Diamond Gloss”». В данном тексте указаны следующие визуальные параметры оценки последствий применения шампуня («роскошный бриллиантовый блеск», «ухаженность», «сияние») и кинестетические («волосы, к которым хочется прикасаться»). Таким образом, приобретая и используя шампунь, потребитель получает не только чистые волосы (рациональный мотив покупки), но и привлекательные, красивые волосы (эмоциональный мотив) за счёт чего повышает собственную самооценку. В сознании адресата формируется корреляция между материальным объектом, рекламируемым продуктом, и эмоциями: дружеское расположение можно заполнить, если угостить кого-нибудь чашкой кофе определённой марки, уверенность в себе приобретается вместе с престижным автомобилем, гармонию с миром можно почувствовать после стирки белья определённой маркой стирального порошка.

Процесс потребления в современном обществе не только определяет доминирующие ценности, формирует мировоззрение, но и влияет на персональную идентификацию. Можно выделить несколько способов формирования персональной идентичности в рекламе.

1. Возможно не прямое самоутверждение через лояльность и поддержку потребления товара определённой марки. Этот вариант чаще всего встречается в тех случаях, когда продукт имеет слишком высокую цену или не воспринимается как необходимый.

2. Прямое приобщение к группе людей, потребляющих товары определённого бренда, через приобретение товара и поддержку его философии. Например, пользователи смартфонов «Samsung» и «Apple» уже несколько лет продолжают спорить о достоинствах и недостатках каждой из этих марок, превосходстве Android над IOS и так далее.

3. Противопоставление себя группе потребителей или лояльно настроенным к продукту торговой марке. Данная стратегия может быть обнаружена, например, в отрицании потребления продуктов животного происхождения.

Интересным представляется тот факт, что производители товара в некоторых случаях могут использовать лояльность потребителей в рекламных кампаниях. Так противостояние двух глобальных сетей ресторанов быстрого питания «McDonald's» и «Burger King», которое началось ещё в восьмидесятых годах двадцатого века и продолжается до сих пор, получило название «бургерные войны». Только в 2020 году, во время пандемии коронавирусной

инфекции и падения спроса во всех ресторанах быстрого питания, сеть «Burger King» запустила рекламное письмо «Заказывайте в "McDonald's"». Лидирующие автомобильные компании «Audi», «BMW» и «Mercedes» конкурируют за потребителя опираясь в рекламе не только на технические характеристики моделей, но и демонстрируя ценности, позволяющие владельцу автомобиля определённой марки выделиться в ряду других потребителей и позиционировать себя посредством покупки.

Таким образом, можно говорить о том, что в процессе социализации человек усваивает определённые нормы и культурные ценности общества, к которому он принадлежит. На настоящий момент можно говорить не об удовлетворении человеком рациональных потребностей, но об эмоциях, связанных с вещью, формировании групповой идентичности, которая задаётся рекламным инвариантом мира. Рекламная коммуникация позволяет индивиду включиться в определённое структурированное социальное пространство по признакам групповой идентификации через систему потребления того или иного продукта.

Список литературы

1. Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. М., 2007.
2. Интернет-магазин Luxxu. URL: <https://luxxu.com> (дата обращения: 12.02.2022).
3. Лаппо М. А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2009. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnaya-suschnost-samoidentifikatsii/viewer> (дата обращения: 12.02.2022).
4. Мазур Л. И. Роль самоидентификации в социализации личности // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-samoidentifikatsii-v-sotsializatsii-lichnosti/viewer> (дата обращения: 12.02.2022).
5. Орехова И. М. Средний класс: проблемы самоидентификации // Теория и практика общественного развития. 2011 №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredniy-klass-problemy-samoidentifikatsii/viewer> (дата обращения: 12.02.2022).
6. Писаревская Н. С. Масса и элита: проблема самоидентификации // Вестн. МГУКИ. 2013, № 5 (55) сентябрь-октябрь. С. 28–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massa-i-elita-problema-samoidentifikatsii/viewer> (дата обращения: 12.02.2022).
7. Труфанова Е. О. Роль коммуникации в построении личностной идентичности // Философия науки. Вып. 17. Эпистемологический анализ коммуникации / отв. ред. Г. Д. Левин, Е. О. Труфанова. М.: ИФ РАН, 2012. С. 128–142. URL: <https://pst.iphras.ru/article/view/1727> (дата обращения: 12.02.2022).
8. Харченко Д. А. Социальная типология и структура интернет-сообществ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 2 (81). С. 14–18.
9. Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура. М., 2007.

References

1. Grishaeva, L. I. *Osobennosti ispol'zovaniya yazyka i kul'turnaya identichnost' kommunikantov* [Peculiarities of language use and cultural identity of communicants]. Moscow, 2007.
2. Internet-magazin Luxxy. URL: <https://luxxy.com> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
3. Lappo, M. A. *Kognitivno-diskursivnaya sushchnost' samoidentifikatsii* [Cognitive-Discursive Essence of Self-Identification] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2009. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnaya-suschnost-samoidentifikatsii/viewer> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
4. Mazur, L. I. *Rol' samoidentifikatsii v sotsializatsii lichnosti* [The role of self-identification in the socialization of the individual] *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Buryat State University], 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-samoidentifikatsii-v-sotsializatsii-lichnosti/viewer> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
5. Orekhova, I. M. *Srednii klass: problemy samoidentifikatsii* [Middle class: problems of self-identification]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. [Middle class: problems of self-identification // Theory and practice of social development]. 2011 № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredniy-klass-problemy-samoidentifikatsii/viewer> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
6. Pisarevskaya, N. S. *Massa i elita: problema samoidentifikatsii*. [The mass and the elite: the problem of self-identification]. *Vestnik MGUKI*. [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2013, № 5 (55) sentyabr'-oktyabr'. pp. 28–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massa-i-elita-problema-samoidentifikatsii/viewer> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
7. Trufanova, E. O. *Rol' kommunikatsii v postroenii lichnostnoi identichnosti* [The role of communication in building personal identity]. *Filosofiya nauki. Vyp. 17. Epistemologicheskii analiz kommunikatsii* [Philosophy of Science. Issue. 17. Epistemological analysis of communication] / otv. red. G. D. Levin, E. O. Trufanova. M.: IF RAN, 2012. pp. 128–142. URL: <https://pst.iph-ras.ru/article/view/1727> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
8. Kharchenko, D. A. *Sotsial'naya tipologiya i struktura internet-soobshchestv* [Social typology and structure of Internet communities]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. [Humanitarian and socio-economic sciences]. 2015. № 2 (81). pp. 14–18.
9. Shemanov, A. Yu. *Samoidentifikatsiya cheloveka i kul'tura*. [Human identity and culture]. Moscow, 2007.

Х. А. Х. Хефни

Коннотация зоонима «волк» в русских и арабских пословицах и поговорках

В статье выявляются коннотативные характеристики зооморфного образа «волк» в русских и арабских пословицах и поговорках. Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей коннотативных параметров с компонентом-зоонимом «волк» в рассматриваемых языках. Материал исследования берется из словарей пословиц и поговорок русского и арабского языков. Анализы коннотации образа «волк» в обоих языках отображены в содержании статьи, что позволяет отражать культурное разнообразие и мировоззрение русских и арабских народов. В данной статье предлагается систематическое описание особенностей коннотативных характеристик образа «волк», что позволяет выявить различные аспекты их сходства и различия в русских и арабских языковых картинах мира. В результате исследования статьи выделены сопоставительные номинации.

Ключевые слова: Коннотация, компонент-зооним, волк, русский язык, арабский язык, пословицы, поговорки.

Н. А. Hafiz Hefni

The connotation of the "wolf" image In Russian and Arabic Proverbs and Sayings

The article reveals the connotative characteristics of the zoomorphic image "wolf" In Russian and Arabic proverbs and sayings. The purpose of this article is to identify the features of the connotative parameters with the zoonym component "wolf" In the languages under consideration. The research material is taken from the dictionaries of proverbs and sayings of the Russian and Arabic languages. Analysis of the connotations of the "wolf" image In both studied languages are presented In the content of the article, which allows reflecting the cultural diversity and worldview of the Russian and Arab peoples. This article offers a systematic description of the features of the connotative characteristics of the "wolf" image, which makes it possible to identify various aspects of their similarities and differences In the Russian and Arabic language pictures of the world. As a result of the study of the article, comparative nominations are highlighted.

Key words: Connotation, zoonym component, wolf, Russian, Arabic, proverbs, sayings.

Понятие коннотации – один из наиболее неопределенных лингвистических концептов современности. В лингвистике коннотация изучается с разных сторон, – психолингвистике [8]; страноведении [9]; стилистике [3], что приводит к разным определениям коннотации в языке. Роль коннотации в процессе трансформации значений и импликации смыслов очень показательна, что объясняет актуальное изучение проблемы коннотации.

Так, для одних ученых коннотация – это окраска, семантические оттенки, которые составляют дополнительное содержание (значение) слова [1]. По мнению других, содержание слова не нужно смешивать с коннотацией [5]. Третьи исследователи считали, что коннотация входит в импликацию или ассоциацию. Так, по В. В. Виноградову «коннотация – это потенциальная ассоциативная энергия слова» [4, с. 62–63]. Поэтому образ коннотации может быть представлен в виде внутренней формы слова [12].

Самым «узким» толкованием коннотации является ее отождествление с интенсификаторами [10]. Самое широкое определение можно встретить в работах В. И. Говердовского, который выделял в «коннотативном понятии» несколько уровней, в т. ч. психологический, лингвистический, экстралингвистический, в каких проявляются коннотации экспрессивно-оценочного, исторического и культурного типов [6].

По существу, спор в лингвистике проходит по двум вопросам: о содержании понятия коннотации и о её семантической структуре. Прежде чем говорить об этом, следует в первую очередь определиться с понятием лексического значения слова и с тем, какое место в нем занимает коннотация.

Лексическое значение слова в современной лингвистике принято понимать, как некоторое сложное образование, как структуру, что состоит из нескольких иерархически связанных между собой субструктур. Это некий многослойный комплекс, основными конститuentами которого являются «семантика» (информация об обозначаемых словом предметах и явлениях внешней действительности), «прагматика» (информация об условиях коммуникации) и «синтактика» (информация о правилах употребления знака).

Таким образом, лексическое значение слова – это структурированная целостность входящих в него компонентов, что в своей совокупности отражают специфически языковой способ членения действительности.

Из многочисленных современных теоретических допущений про природу лексического значения слова самым близким в контексте нашего исследования выступает широко известное в современной лингвистике представление И. А. Стернина про лексическое значение слова как сложной системе взаимосвязанных компонентов [11, с. 42]. Поэтому из его теории лексического значения, нами были вычленены те положения, какие нужны для того, чтобы построить модель семантической структуры слова.

Так, лексическое значение слова можно выделить на двух уровнях – макро- и микроуровне. Каждому из них присущи свои собственные компоненты, т. е. макрокомпоненты и микрокомпоненты, что образуют структуру (под последней понимается членимость целого на части и взаимоотношение между ними).

К макрокомпонентам относятся денотативно-сигнификативный и коннотативный компоненты лексического значения слова. Каждый из них на следующем уровне расщепляется на микрокомпоненты, т. е. семы.

Нужно сказать о том, что коннотации присущ неодинаковый статус в различных типах лексического значения слова [далее – ЛЗС]. В прямых значениях слов коннотация выступает как микрокомпонент ЛЗС, т. е. статус потенциальной семы.

Во вторичных значениях слов коннотация выступает как макрокомпонент ЛЗС, т. к. созначивает вместе с денотативным значением слова и расщепляется на коннотативные семы.

Таким образом, под коннотацией мы понимаем микрокомпонент или макрокомпонент (в зависимости от типа ЛЗС) системного лексического значения слова, который сопутствует или созначивает вместе с его денотативным значением и несет в себе или выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к действительности.

Анализируя компонентную структуру коннотативного макрокомпонента лексического значения слова, куда входят эмотивность, оценочность и экспрессивность, нами ВФ рассматривается как ассоциативно-образное основание для коннотации, т. к. «в экспрессивно окрашенном значении обязательно присутствует мотивирующий признак, который чаще всего совпадает с внутренней формой наименования» [12, с. 68]. Отсюда следует, что образный компонент в структуре коннотации – это начальный этап формирования коннотативного значения, которым мотивируется, порождается эмотивность и оценочность. Экспрессивный компонент – это завершающий, итоговый элемент коннотации.

С другой стороны нашего исследования, пословицы и поговорки как устный продукт народного сознания и творчества играют важную роль в сохранение культурно-национального наследия любого языка. Русский язык, как и все остальные языки мира, имеет свое богатство, и оно передается из поколения в поколение.

Этой ценностью выступают также устойчивые выражения, смысл в какие заложен давно и понятен всем: пословицы, поговорки, фразеологизмы. В каждом языке есть свои поговорки, и иногда одна и та же пословица переводится

с одного языка на другой, меняя даже персонажей. В последнее время в политике для описания ситуации в мире или в отдельной стране используется поговорка «и волки сыты, и овцы целы».

Пословица – это некое образное изречение, которое есть законченным по смыслу, имеет особый ритм, интонацию, грамматическую структуру, созидательное высказывание, несет в себе мудрость, опыт поколений, передается через устное народное творчество [18]. Пословицы и поговорки широко распространены в речи и действительно применимы ко многим жизненным ситуациям.

Как подчеркнул известный педагог К. Д. Ушинский, в пословице «отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значения всех явлений жизни» [19].

Одним из интересных аспектов в пословицах есть обозначение зооморфизмов, которое более глубокому пониманию смысла, выраженного в пословице.

Названия животных используются в языковой коммуникации как конкретные символы. То есть образ или повадки определенного животного присваиваются говорящим другому человеку или предметам окружающей действительности, и зооним приобретает общепринятый в данной картине мира смысл и эмотивные коннотации.

Лексические единицы, «рожденные» от группы лексики зоонимов передают определенное чувственное познание мира у того или иного народа. Это познание связано с анималистическими и ритуально-мифологическими особенностями.

Волки – это одни из самых известных хищников в животном мире. Они фигурируют в песнях, легендах и даже в современных фильмах. Хотя серый волк является наиболее узнаваемым, существует более 30 различных подвидов, которые обитают в северном полушарии. Эти преданные своему делу выносливые животные вместе охотятся, бродят и играют вместе, при этом сохраняя важную роль в своей местной экосистеме.

Волк – это хищное млекопитающее семейства псовых. Он гордое, умное и в то же время хитрое, опасное и свирепое животное [19, 1986].

Фразеологическое представление волка в русском и арабском языках во многом близко к образу собаки. В обоих языках образ волка амбивалентен, как и образ собаки: он связан как с положительными, так и с отрицательными коннотациями. С одной стороны, волк представляется символом гордости, силы и бесстрашия. С другой стороны, волк считается алчным, свирепым и коварным животным.

Согласно Большому толковому словарю русского языка под редакцией Кузнецова, образ «волка» в выражении «*И хоть волк не воял и муха не бурял*» олицетворяет человека, который не отреагировал на что-то или не вспомнил о ком-либо (о чём-либо) [15, с. 97]. В то же самое слово поговорка «*когда волк будет овцой, медведь стадоводником*» используется для выражения невозможности совершения определенного действия, и поговорка «*пожалел волк кобылу*» говорится о человеке, неспособном пожалеть кого-либо и не умеет сжалиться над кем-либо [15, с. 97].

В то же самое слово «*от волка бежал (ушёл), на медведя попал*» говорится о человеке, пытавшемся избежать неприятностей, но попавшем в еще более сложное, неприятное положение и поговорка «*ставить (поставить) волка в пастухи*» [15, с. 98], используется в качестве иронического высказывания, когда допускать кого-либо туда, где он может навредить и поживиться.

Это поговорка похожа на арабскую пословицу *ظلم غنمه من جعل الذئب راعيا* букв. «*тот, кто делает волка пастухом, угнетает (убивает) его овец*» [13, с. 302]., Это означает, что человек, который выбирает неквалифицированного человека и дает ему полномочия управлять другими (например, в компании), наносит большой вред работодателям и самой работе,

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова указано: пословица «*как волка ни корми, всё в лес смотрит*» означает, что каждый стремится в свою среду, где ему удобно; и говорится о неблагодарном человеке, который оставит или предаст при первой возможности и пословица: «*отольются волку овечьи слёзки*» говорится как угроза, предостережение обидчику или утешение обиженному.

За принесённое кому-то зло, обиду со временем неизбежно наступит расплата, и пословица: «*И волки сыты, и овцы целы*» означает, что удобно, выгодно для обеих сторон (о положении, которое создается в результате стремления угодить людям с различными взглядами, интересами и т. п., и поговорка, это пословица вспоминают в тех случаях, когда удаётся примирить интересы двух заинтересованных сторон.

«*Тамбовский волк тебе товарищ*», говорится о человеке, недостойном кого-либо, кому он набивается в товарищи и указывает, что говоривший даёт понять, что не считает собеседника товарищем [16, с. 146].

Еще рассмотрим в словаре «Пословицы и поговорки русского народа Даля»: «*с волками жить - по волчьему выть*» [17, с. 240], означает, тот, кто живет в питомнике с волками и трудными по характерам людям, должен выть, чтобы защищать свои интересы и дела. Эта пословица похожа на арабскую пословицу *لا تأكلك الذئب حتى لا تأكلك الذئب* букв. «*Будь волком, чтобы волк тебя не съел*» [21], и в том

же самом словаре «не ставь неприятеля овцою, ставь его волком» [17, с. 255], в смысле того, что среди врагов, чаще всего опасаться самого маленького, другими словами, в большой опасности смог спастись тот, Кто погибает от малейшего дела. [17, с. 400], «сколько волка ни корми, он в лес смотрит» [17, с. 435], означает, что очень трудно изменить привычки и поведение любого человека, например, глупо доверять волку защищать стадо, потому что он привык убить его.

Древние арабы жили в суровых условиях из-за природы пустыни и войн, развернувшихся в те периоды, поэтому их самыми известными принципами были рыцарство и физическая сила, и в качестве почетной аналогии они называли своих храбрых волков в качестве метафоры. за их силу и чрезвычайную мощь. Аль-Джахиз в «Книге Животных» и среди качеств, упомянутых волком, является преувеличенная храбрость, сильная сила и скорость, в дополнение к диете, он не принимает свои запреты, как остальные животные [1]. Ему достаточно этого, но он скорее убивает все, что может убить, от остальной части стада, не съедая ничего.

В словаре арабских пословиц и поговорок Джамхарит Аль-Амсал упоминается единица: الذئب من أبخت букв. «он подлее волка» используется в знаке сильной злокачественности человека при общении с другими [14, с. 438], но в бумажной энциклопедии арабских пословиц Муджам Аль-Амсал Абу Аль-Фвда Аль-Мидани указана единица حذر مثل الذئب букв. «он осторожен как волк», это говорится, когда человек проявляет особую осторожность и бдительность в деле и стал похож на спящий волк в лесу, один глаз которого открыт во избежании врагов и отслеживании жертв [14, с. 427].

В описании волчицы тоже в «Книге Животных» Аль-Джахиза упоминается в отношении женщины единица: حمقاء مثل الذئبة букв. «она дура как волчица», это описание пришло из-за того, что волчица кормит грудью детенышей гиен и оставляет детенышей [1, т. 1. с. 129], и это то что подтверждается в многотомной арабской книге Айон Аль-Ахбар Аль-Даинори, в которой указана пословица إذا ماتت الضبعة اعتنت الذئبة بصغارها букв. «Если гиена погибает, волк заботится о ее детеныше» [7, т. 2. с. 93].

Стоит отметить, также что, в результате тесного проявления образа волка в жизни древних арабов, появились еще пословицы, которые выражают такое отношение, такие как пословица شعبة من ذيب عن مية طبيب букв. «Лучше съесть мясо волка, чем посетить сотню врачей», пословица لا تأكلك الذئاب букв. «Будь волком, чтобы волк тебя не съест» [22].

Эта пословица проистекает из мифа: в прошлом группы жителей пустыни на Аравийском полуострове убивали волка, чтобы исцелить, съев его мясо.

Они утверждают, что, если человек съест сердце волка или кусок мяса, он будет излечен от его болезней.

Еще пословица *الذئب ما يأكل ذراعه* букв. «Волк не ест свою руку (то есть другой волк)». Эта пословица означает, что дорогой человек не поддается давлению невзгод, которое может подтолкнуть его к отказу от своих принципов, особенно если его уступка нанесет вред его родственникам и друзьям [23].

И так проанализировав коннотативные компоненты образа «волк» в русских и арабских пословицах и поговорках, можно выделить следующие характеристики: в вышеупомянутых русских пословицах и поговорках образ волка олицетворяет следующее:

- 1) человека, который имеет пассивный характер (не реагирует ни на действие, ни на человека);
- 2) не милосердного человека (не способного даже пожалеть свою жертву);
- 3) невезучего (всегда в трудности живёт);
- 4) неблагородного человека, вредного человека (вызывает вред везде, где он находится);
- 5) одинокого и сильного человека.

Но и в арабских пословицах и поговорках волк характеризует образ подлого человека, злого и не доверенного, осторожного и бдительного. Или глупую женщину (о волчице). Также того, кто бдит обычаи и проч.

Таким образом образ «волк» и его коннотация в русских и арабских пословицах и поговорках, связанная с оценкой характера и поведения, и внутренних качества человека, что представлены в пословицах и поговорках, не всегда совпадают. Можно сказать, что зооморфный образ «волк» отражают в основном негативные качества человека (исключая черты сильного и принципиального человека).

Нейтральность оценки образа «волка» в русском и арабском языках очень ограничена. По итогам проведенного анализа пословиц и поговорок в обеих языках, можно сказать, что носители обеих культур, в значительной степени воспринимают образ «волк» по основным особенностям поведения и внутренним качеств, которые успешно переносятся на человека для обоих языков.

Волк в русских пословицах и поговорках в основном описывают те или иные свойства и качества человека, усиливая экспрессивность и подчеркивая предубеждение и неприятельское отношение, нравоучение. В воспринимается как символ коварства, жестокости, зла и силы.

В арабских пословицах и поговорках образ «волк» описывает внешние и внутренние качества человека и несёт, в первую очередь, как и в отрицательную коннотацию.

Список литературы

1. Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации слова как единицы языка. // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 86–128.
2. Аль-Джахиз А. Б. Книга о животных. Кувейт: Викалат аль-матбут, 1977. (на араб. языке).
3. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 250 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
5. Гальперин И. Р. Членимость текста: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 125. М., 1978.
6. Говердовский В. И. Коннотемная структура слова. Харьков, 1989. 95 с.
7. Ибн Кутаиба Аль-Даинори. Айон Аль-Ахбар. Ливан: Изд-во. Аллмактаб Альислами, 1988 (на араб. языке).
8. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова, 1969.
9. Комиссаров Б. Н. Материалы по этнографии Полинезии в дневнике Е. Е. Левенштерна // Советская этнография. 1980. № 6.
10. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. 156 с.
11. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. 171 с.
12. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Словари

13. Абу Альфвда Аль-Мидани. Муджам Аль-Амсал. Ливан: Изд-во Мишкат, 2002 (на араб. языке).
14. Абухилал Аль-Аскари. Джамхарит Аль-Амсал. Ливан: Изд-во Дар Альфикр, 1988 (на араб. языке).
15. Большой словарь русских поговорок / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
16. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
17. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа [Электронный ресурс]. М. 584 с.
18. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
19. Энциклопедия народной мудрости / сост. В. Воскобойников. СПб., 1997. 219 с.

Интернет-ресурсы

20. Значение слова «пословица» в 16 словарях [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenie-slova.ru/пословица> (дата обращения: 27.12.2021).
21. <https://alphabeta.argaam.com/article/detail/108054> (на араб. языке) (дата обращения: 24.12.2021).
22. <https://www.alriyadh.com/811711> (на араб. языке) (дата обращения: 25.12.2021).
23. <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/3070> (на араб. языке) (дата обращения: 24.12.2021).

Referenses

1. Aznaurova, E. S. *Stilisticheskij aspekt nomInacii slova kak edInicy yazyka*. [Stylistic aspect of the nomInation of the word as a unit of language] *Yazykovaya nomInaciya. Vidy naimenovanij* [Language nomInation. Types of names]. M.: Nauka, 1977. 86–128 p. (In Russian).
2. Al'-Dzhahiz, A. B. *Kniga o zivotnyh* [A book about animals]. Kuvejt: Vikalat al'-matbut, 1977. (In Arabic).
3. VInokur, T. G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovyh edInic zivotnyh* [Patterns of stylistic use of lInguistic units]. M.: Nauka, 1980. 250 p. (In Russian).
4. VInogradov, V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. M.: Nauka, 1977. 312 p. (In Russian).
5. Gal'perIn, I. R. *CHlenimost' teksta: Sb. nauchn. trudov MGPIIYA im M. Toreza. Vyp. 125* [Articulation of the text: Sat. scientific. ProceedIngs of the Moscow State Pedagogical Institute]. M. Toreza. Issue 125. M., 1978. (In Russian).
6. Goverdovskij, V. I. *Konnotemnaya struktura slova* [Konnotemnaya structure of the word]. Har'kov, 1989. 95 p. (In Russian).
7. Ibn Kutaiba Al'-DaInori. *Ajon Al'-Ahbar* [Stories from the past]. Livan: Izd-vo. Allmaktab Al'islami, 1988. (In Arabic).
8. Komlev, N. G. *Komponenty sodержatel'noj struktury slova* [Components of the meanIngful structure of the word]. N. G. Komlev. 1969. (In Russian).
9. Komissarov, B. N. *Materialy po etnografii Polinezii v dnevnike E. E. Levenshterna* [Materials on the ethnography of Polynesia In the diary of E.E. Levenshtern] *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1980. № 6. (In Russian).
10. SternIn, I. A. *Problemy analiza struktury znacheniya slova* [Lexical meanIng of a word In speech]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1979. 156 p. (In Russian).
11. SternIn, I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meanIng of a word In speech]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1984. 171 p. (In Russian).
12. Teliya V.N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nomInativnyh edInic* [The connotative aspect of the semantics of nomInative units]. M.: Nauka, 1986.
13. Abu Al'fvda Al'-Midani. *Mudzham Al'-Amsal* [Dictionary of Arabic Proverbs]. Livan: Izd-vo Mishkat, 2002. (In Arabic).
14. Abuhilal Al'-Askari. *Dzhamharit Al'-Amsal*. [Handbook of Arabic Proverbs] Livan: Izd-vo Dar Al'fikir, 1988. (In Arabic).
15. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Great dictionary Russian proverbs] / pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: NorInt, 2003. 1536 p. (In Russian).
16. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language] / pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: NorInt, 2003. 1536 p.
17. Dal' V. I. *Posloviy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayIngs of the Russian people]. [Elektronnyj resurs]. M. 584 p. (In Russian).
18. Mokienko V.M., NikitIna T.G., Nikolaeva E.K. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [The biggest dictionary of Russian proverbs and sayIngs of the Russian language]. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2007. 784 p. (In Russian).
19. *Enciklopediya narodnoj mudrosti* [Encyclopedia of Folk Wisdom] / Sostavitel' Voskobojnikov V. Sankt-Peterburg, 1997. 219 p. (In Russian).

20. *Znachenie slova «poslovica» v 16 slovaryah* [The meanIng of the word "proverb" In 16 dictionaries] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://znachenie-slova.ru/poslovica> (Accessed date: 27.12.2021). (In Russian).
21. <https://alphabeta.argaam.com/article/detail/108054> (In Arabic) (Accessed date: 24.12.2021).
22. <https://www.alriyadh.com/811711> (In Arabic) (Accessed date: 25.12.2021).
23. <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/3070> (In Arabic) (Accessed date: 24.12.2021).

УДК 81'243:373.3.016

ГРНТИ 14.25.09

DOI 10.35231/25419803_2022_1_67

О. Н. Красникова

Интегрированные уроки иностранного языка в начальной школе

Начальная ступень общего образования, по нашему мнению, является особенно важным этапом в образовательно-воспитательном процессе, т.к. именно в этот период активно развиваются основные черты личности учащегося, которые определяют дальнейшую успешность учебной деятельности школьника. Традиционной формой проведения занятий в школе остается классно-урочная система, но современные процессы цифровизации и глобализации требуют внедрения в процесс обучения новых методов и методик. В данной статье пойдет речь об эффективности применения нестандартных форм уроков (в частности, интегрированных) на уроках иностранного языка в начальной школе. Проблема интеграции учебных предметов давно разрабатывается методистами и учителями. Теоретики и практики размышляют о взаимоотношениях процессов интеграции и дифференциации в начальной и средней школе. Начальная ступень общего образования обладает большими потенциальными возможностями для осуществления интегративного подхода. Однако школьная практика демонстрирует редкое проведение интегрированных уроков на начальном этапе обучения. Данное исследование является актуальным, поскольку отражает реальный процесс модернизации образования, внедрения нестандартных форм обучения в педагогический процесс, а также способствует увеличению количества интегрированных уроков, проводимых на начальном этапе школьного обучения.

Ключевые слова: интегрированный урок, иностранный язык, методика преподавания иностранного языка, нетрадиционный урок, интеграция, начальная школа.

Olesya N. Krasnikova

Integrated foreign language lessons in primary school

The initial stage of general education, in our opinion, is a particularly important stage of the educational process, because the main personality traits of the student are actively developing during this period, what determine the further success of the student's educational activities. The class-lesson system remains the traditional form of conducting classes at school, but modern processes of digitalization and globalization require the introduction of new methods and techniques into the learning process. This article discusses the effectiveness of the use of non-

standard forms of lessons (in particular, integrated ones) in foreign language lessons in primary school. The problem of integration of educational subjects has long been developed by methodologists and teachers. Theorists and practitioners reflect on the relationship between the processes of integration and differentiation in primary and secondary schools. The primary level of general education has great potential for implementing an integrative approach. However, school practice demonstrates the rare conduct of integrated lessons at the initial stage of education. This study is relevant because it reflects the real process of modernization of education, the introduction of non-standard forms of education in the pedagogical process, and also contributes to an increase in the number of integrated lessons conducted at the initial stage of schooling.

Key words: integrated lesson, foreign language, foreign language teaching methodology, non-traditional lesson, integration, primary school.

В наше время школа выполняет важную задачу по формированию целостного мировоззрения и ценностного отношения у детей к окружающему миру во всем его многообразии, со всеми преимуществами и противоречиями современного развития человечества. Данная задача может быть решена на основе применения интеграционного подхода в школьном обучении, который базируется на следующем утверждении: любой объект окружающего мира, любое событие или тенденция рассматриваются в общем контексте развития человечества и состояния окружающей среды. Реализация данного подхода предполагает формирование у детей самостоятельного творческого мышления, которое помогает решать различные проблемные ситуации. Иными словами, применение интеграционного подхода предполагает организацию не репродуктивной деятельности учащихся, а поисковой и творческой на всех этапах школьного обучения.

«В вопросе о возможности или невозможности интегрированного подхода к обучению младших школьников большинство исследователей и учителей-практиков сходятся на том, что интеграция учебных предметов в начальной школе не только возможна, но и желательна. Слабая связь учебных дисциплин друг с другом порождает серьезные трудности в формировании у учащихся целостной картины мира. Предметная разобщенность становится одной из причин фрагментарности мировоззрения выпускника школы, в то время как в современном мире преобладают тенденции к экономической, политической, культурной и информационной интеграции» [7, с. 72].

Интеграция – это процесс, и в то же время определённая система. «Значение интеграции – в дополнении, обогащении, восполнении знаний, в организации и обнаружении новых связей в известном материале, в обосновании и открытии новых ценностных смыслов. Дидактической основой интеграции в учебном процессе являются межпредметные связи, виды научного знания (понятия, явления, законы), ценности, а также ведущие мировоззренческие идеи.

Интеграция в обучении позволяет объединять информацию по сходству, смежности, по контрасту, раскрывая сущность цели и интегрирующей/ведущей идеи урока» [9, с. 119].

«Начальная школа в силу высокой исходной интеграции учебного содержания (согласно принципу систематичности и последовательности – “идти в обучении от общего к частному, от простого к сложному”) обладает значительными потенциальными возможностями для осуществления интегративного подхода в освоении учебного материала, овладении универсальными способами деятельности, приёмами, технологиями» [9, с. 120].

Интеграция позволяет создать целостную научную картину мира у обучающихся, а «основным элементом для осуществления в образовательной практике различных уровней интеграции является грамотно проведенный интегрированный урок.

Интегрированный урок – особый вид урока, на котором обозначенная тема, вопрос, проблема рассматриваются средствами двух или нескольких дисциплин, осуществляется синтез и систематизация знаний, умений, что обеспечивает формирование у обучающихся целостной картины мира, способствует освоению ими соответствующих компетенций. При этом может быть выделена ведущая дисциплина, выступающая интегратором, и определены вспомогательные дисциплины, способствующие углублению, расширению, уточнению материала ведущей дисциплины» [4, с. 46–47].

Такие уроки могут объединять различные предметы в целом, генерируя интегрированные предметы, или же могут включать только отдельные компоненты содержания урока, методы. Целью интегрированного урока является развитие у обучающихся младшего школьного возраста навыков и умений в рамках учебной программы.

Поскольку интегрированный урок относится к нетрадиционным формам проведения занятий, его структура не является прописанной раз и навсегда, поэтому в зависимости от способов и целей интеграции, а также от содержания образования, методов и приемов обучения структура урока варьируется. Интегрированный урок – это урок творческой формы, поэтому, говоря о его структуре, упоминают слово сценарий, а не конспект или план. «Способы структурирования интегрированного урока могут быть разными:

- можно составить интегрированный урок из мини-уроков, построенных на материале других дисциплин;
- можно сделать целостный урок с единой методической структурой;
- можно построить интегрированный урок как серию модулей (алгоритмов, проблем, учебных задач и заданий), комплексно объединяющих в себе интегрируемые знания, умения, навыки» [4, с. 48].

Опыт изучения методических разработок интегрированных уроков позволяет говорить о следующих стандартных этапах такого урока: организационный этап, целеполагание и мотивация учеников, актуализация опорных знаний, рефлексия, подведение итогов и оценивание. Основной этап урока в перечне стандартных этапов интегрированного урока отсутствует, поскольку предполагает наличие творческого подхода и нестандартной формы проведения. Однако в соответствии с общими дидактическими принципами проведения уроков интегрированного типа, этот этап включает в себя обобщение и систематизацию знаний.

Изучение иностранных языков в современном обществе считается крайне важным. В школе начинают преподавать иностранный язык уже на начальной ступени обучения, когда для учащихся очень важно комплексное освоение мира.

«Предметно-языковое интегрированное обучение представляет собой попытку преодолеть ограничения традиционных школьных программ, то есть преподавание отдельных предметов, и переход к интеграции учебных предметов. Предметно-языковое интегрированное обучение может быть реализовано различными способами и в самых разных ситуациях, так как оно охватывает множество различных форм обучения. Основными задачами интегрированного обучения являются улучшение навыков владения иностранным языком и овладение знаниями и навыками в других неязыковых областях» [14].

На уроках иностранного языка «интегрированный подход способствует расширению лексического запаса обучающихся, так как им приходится участвовать в обсуждениях, отвечать на вопросы по темам, далеким от изучения иностранного языка, именно на иностранном языке. Кроме того, использование иностранного языка для понимания неязыкового предмета требует тщательной подготовки и усердной работы, что в конечном итоге приводит к улучшению владения языком» [14].

Основной особенностью интегрированного урока является то, что такой урок строится на основе какого-то одного предмета, который является главным. Остальные, интегрируемые с ним предметы, помогают шире изучить его связи, процессы и возможность применения полученных знаний на практике. Рассмотрим некоторые потенциальные возможности интеграции уроков иностранного языка с уроками литературного чтения.

На уроках литературы, как это обычно бывает, ученики читают произведения зарубежных авторов на русском языке, в переводе. Урок иностранного языка даёт школьнику возможность услышать, прочитать это произведение на языке оригинала, сравнить с переводом. При переводе произведений разные переводчики акцентируют внимание на разных деталях, воспринимают иноязычный текст по-разному. А чтение оригинала даёт возможность самому познакомиться с художественным замыслом автора.

Основная цель обучения языку и литературе сегодня – научить школьников свободно говорить о любой современной проблеме многокультурного мира, понимать главную идею различного литературного и публицистического материала, писать официальные и неофициальные письма, электронные сообщения, резюме, разнообразные поздравления и сочинения; то есть формирование коммуникативных компетенций. Кроме того, изучение этих предметов должно способствовать развитию интеллекта, памяти и творческого воображения – основы творческого потенциала. Вопрос интеграции уроков литературы с уроками иностранного языка всегда был актуальным, представляющим особый интерес, и очень плодотворным.

В свою очередь мы решили представить свою систему интегрированных уроков по иностранному языку и литературному чтению, которую можно использовать на занятиях в 3–4 классах. Данная таблица наглядно демонстрирует методический потенциал интеграции иностранного языка и литературного чтения на уроках в начальной школе (табл.).

Для определения тематических областей, возможных для интеграции, мы обратились к следующим УМК:

- Литературное чтение. Климанова Л. Ф., Горецкий В. Г., Голованова М. В. и др. 3 класс. М.: Просвещение.
- Литературное чтение. Климанова Л. Ф., Горецкий В. Г., Голованова М. В. и др. 4 класс. М.: Просвещение.
- Английский язык. И. Н. Верещагина, Т. А. Притыкина. 3 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений и школ с углубленным изучением английского языка. М.: Просвещение.
- Английский язык. И. Н. Верещагина, О. В. Афанасьева. 4 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений и школ с углубленным изучением английского языка. М.: Просвещение.

Таблица

*Система интегрированных уроков по иностранному языку
и литературному чтению для 3–4 классов*

№ п/п	Тема уроков литературного чтения	Тема уроков иностранного языка	Класс
1.	А. Л. Барто. «Разлука»	Я и моя семья: члены семьи, их имена. возраст	3
2.	А. Л. Барто. «В театре»	Мир моих увлечений: мои любимые занятия. Выходной день, каникулы: сафари-парк, зоопарк	3

Продолжение табл.

3.	И. З. Суриков. «Детство». В. Драгунский. «Он живой и светится». Н. Носов. «Телефон»	Я и мои друзья: имя, возраст, увлечения/хобби, место жительства. Совместные занятия. Внешность	3
4.	М. Пришвин. «Моя родина»	Родная страна: название, столица, родной город/деревня	3
5.	В. М. Гаршин. «Лягушка-путешественница». А. И. Куприн. «Слон». С. Черный. «Воробей», «Слон». И. Соколов-Микитов. «Листопадничек»	Домашние питомцы и другие животные	3
6.	Ф. И. Тютчев. «Весенняя гроза». А. А. Фет. «Мама! Глянь-ка из окошка...», «Зреет рожь над жаркой нивой». И. С. Никитин. «Встреча зимы»	Времена года	3
7.	М. Ю. Лермонтов. «Горные вершины», «Утес», «Осень». Н. А. Некрасов «Славная осень!», «Не ветер бушует над бором». Е. А. Благинина «Кукушка», «Котенок»	Природа вокруг нас	3
8.	А. С. Пушкин. «Няне». Е. Л. Шварц. «Сказка о потерянном времени»	Я, моя семья и мои друзья (родители, братья и сестры, дедушка и бабушка; их возраст, внешность, профессия)	4
9.	А. И. Куприн. «Барбос и Жулька»	Моё любимое домашнее животное	4
10.	Н. А. Некрасов. «Школьник». В. Ю. Драгунский. «Главные реки»	Моя школа (классная комната, школьные принадлежности)	4
11.	Дж. Свифт. «Путешествие Гулливера». М. Твен. «Путешествие Тома Сойера»	Литературные персонажи популярных детских книг (общее представление)	4
12.	М. М. Зощенко. «Ёлка»	Мои увлечения, игры и игрушки	4
13.	А. П. Чехов. «Мальчики»	Страна/страны изучаемого языка (общие сведения, названия, столицы, крупные города)	4
14.	Е. А. Баратынский. «Весна, весна!». И. А. Бунин. «Листопад». Б. Л. Пастернак. «Золотая осень»	Времена года, погода. Любимое время года	4

На наших интегрированных уроках мы предлагаем отказаться от балльной системы, так как традиционно баллом (отметкой) оценивается конечный

продукт, а нам важен сам процесс его получения. Интегрированный урок относится к урокам нетрадиционного типа, и стоит заметить, что многие методисты и педагоги предлагают деятельность на таких уроках оценивать, не прибегая к традиционной балльной системе, чтобы не снижать мотивацию учащихся на таких уроках.

Ученикам можно предложить систему самоанализа собственной деятельности и самооценивания, по предложенным учителем критериям. Цель подобной работы – обеспечить возможность каждому ученику оценить собственную работу на уроке, определить свою роль в рабочей группе, понять, какой вид деятельности дается легче и приносит наибольший успех и удовлетворение. Новизна данных интегрированных уроков состоит не в самой идее интеграции, а в способах ее реализации и компонентах урока:

1. Содержательно-целевой компонент урока:

- Целеполагание – каждый урок предполагает совместную постановку целей занятия (основные способы: определение целей через содержание, через деятельность учащихся, через ожидаемый результат; способ выбирается с учётом особенностей класса).

- Пространство содержания – укрупнение дидактических единиц, которые имеют интегрированный характер, при сохранении регламента урока.

2. Поисково-практический компонент урока:

- Коммуникативные формы организации урока: диалог в группе; публичное отстаивание своего мнения.

- Педагогический инструментарий: фронтальная, парная или групповая, индивидуальная формы работы чередуются на одном уроке.

- Виды заданий, предлагаемые на уроках: ассоциативные, лингвистические, ситуативные, проблемные, эвристические – направлены на обращение к личному опыту учащихся, самореализацию, кооперацию учащихся, обеспечивают эмоциональную включенность, запускают творческую деятельность.

3. Оценочно-рефлексивный компонент урока:

- Оценивается не знание, а сам процесс работы посредством самооценки; учитель имеет право высказать собственное мнение о ходе урока.

- Учащиеся сами оценивают свою работу на уроке.

- Учащиеся отвечают на вопрос: «Что нового узнали на уроке? Какое открытие сделали?»

- Учащиеся определяют направление для дальнейших устремлений.

Результатом можно считать развитие ключевых компетенций учащихся:

1. Предметные компетенции:

- знания и умения по анализу текста – развитие способностей к осмысливанию и оцениванию ситуаций, возникающих в процессе – творческие литературные успехи.

2. Межпредметные компетенции:

- языковая,
- информационная, т.е. умение обрабатывать полученную информацию и применять её на практике.

3. Личностные компетенции:

- формирование критического отношения к своему опыту – осознание собственных стереотипов и готовность к их смене в случае необходимости,
- умение работать в коллективе,
- умение самостоятельно получать знания и умения.

4. Коммуникативные.

Данная система интегрированных уроков удовлетворяет компетенциям, заявленным в стандартах ФГОС.

Интегрированные уроки позволяют проводить занятия с учащимися с любой подготовкой по английскому языку, увеличивая или уменьшая лексический и грамматический объем английского языка. Как показывает практика проведения подобных интегрированных уроков, на занятиях учащиеся показывают положительную динамику применения приобретенных знаний русского и английского языков. Такие интегрированные уроки позволяют погрузиться в языковую среду: учащихся слышат речь на английском языке (видеофрагменты, речь учителя, речь одноклассников), читают и анализируют текст на английском языке, сами говорят по-английски.

Данная система интегрированных уроков может расширяться за счет новых уроков и новых идей, поскольку это творческий и конструктивный подход в обучении. А главное – обеспечивается возможность для самореализации и самораскрытия каждым учеником.

Для подготовки к интегрированным урокам необходимо не только выбрать материал, соответствующий требованиям учебного плана, но и составить технологическую карту урока, а при необходимости и индивидуальные карты работы отдельных (или всех) обучающихся.

При верной организации занятий ученики имеют возможность не только изучать новое, закреплять свои знания, но и формировать целостную картину мира, что, в свою очередь, не может не сказаться на повышении уровня учебной мотивации и интереса к предмету.

Подведем итоги нашим размышлениям: начальная школа является новым важным этапом жизни детей, они начинают обучение в образовательном учреждении, с которым раньше не были знакомы, расширяют сферу своего взаимодействия с окружающим их миром, изменяют свой жизненный статус,

увеличивают потребность в саморазвитии и самовыражении. В период младшего школьного возраста у детей происходит интенсивное развитие и преобразование познавательных процессов. Они становятся осознанными и произвольными, приобретают опосредствованный характер. Ребенок учится управлять своими психическими процессами: восприятием, вниманием, памятью. Новая для школьника деятельность – учебная – должна отвечать познавательным потребностям ребенка, а также строиться в соответствии с учетом возрастных особенностей ребенка.

В современной практике обучение иностранному языку начинается во втором классе начальной школы. Такое раннее обучение соответствует познавательным потребностям обучающихся и имеет определенные преимущества.

Современный урок, являясь основной формой обучения, постоянно совершенствуется. Для того, чтобы учащиеся успешно овладели коммуникативной компетенцией, урок должен быть нестандартным, творческим, динамичным и познавательным. Этого можно добиться применением инновационных методов и технологий, а также с помощью организации уроков нестандартных форм.

Уроки нетрадиционной формы занимают важное место в начальной школе, это связано с возрастными характеристиками обучающихся младшего школьного возраста, игровой основой таких уроков и оригинальностью их проведения.

Ввод интеграции предметов в систему образования позволяет решить задачи, стоящие перед школой и обществом в целом. Интегрированное обучение побуждает и развивает у учащихся познавательную активность, любознательность, творческое мышление, самостоятельность.

Интеграция выступает высокой формой воплощения межпредметных связей на качественно новой ступени обучения. Интеграция улучшает предметную систему, помогает преодолению её недостатков и устремлена на усиление взаимосвязей и взаимозависимостей между предметами.

В законе РФ «Об образовании» особо отмечается, что содержание образования должно обеспечивать формирование у обучающегося адекватной современному уровню и уровню образовательной программы картины мира. Поэтому особенная роль в процессе обучения должна отводиться развитию системного мышления, умению обогащать свои знания, варьируя в потоке информации различной степени сложности. Интеграция определяет сегодня стиль научного мышления и мировоззрения человека. Интеграция закладывает основы целостного представления о природе и обществе, формирует собственное отношение к законам их развития. Именно поэтому младшему

школьнику необходимо посмотреть на предмет или явление действительности с разных сторон: в логическом и эмоциональном плане, в художественном произведении и научно-познавательной статье, с точки зрения биолога, художника слова, живописца, музыканта и т.д.

За основу интеграции может быть взят любой урок с его установившейся структурой и логикой проведения, в содержательную сторону которого будет включена та группа понятий, которая относится к данному учебному предмету, но на интегрированный урок привлекаются знания, результаты анализа понятия с точки зрения других наук, других учебных предметов.

Интеграция между учебными предметами не отрицает предметной системы. Она представляет собой допустимый путь, в котором возможно совершенствование и преодоление недостатков, она направлена на углубление взаимосвязей между предметами.

Поскольку интеграция – это не самоцель, а определенная система в деятельности учителя, то должен быть и конечный результат интегрированного обучения: рост уровня знаний учащихся по предмету, который проявляется в глубине усваиваемых понятий, закономерностей за счет их многогранной интерпретации с использованием сведений интегрируемых наук; модифицирование уровня интеллектуальной деятельности, обеспечиваемого рассмотрением учебного материала с позиции ведущих идей, установлением непосредственных взаимосвязей между изучаемыми проблемами; эмоциональное развитие учащихся, основанное на привлечении музыки, живописи, литературы и т.д.; увеличение познавательного интереса учащихся, обнаруживаемого в желании активной и самостоятельной работы на уроке и во внеурочное время; включение учащихся в творческую деятельность.

Выделенные аспекты соответствуют образовательным, развивающим и воспитывающим функциям обучения. Это позволяет сформулировать вывод о том, что интеграция предметов благоприятно влияет на развитие ребенка, направлена на более глубокое изучение тем на уроке, способствует формированию целостной картины мира у детей, пониманию связей между явлениями в природе, обществе и мире в целом.

Список литературы

1. Coyle D. CLIL: Content and language Integrated Learning / D. Coyle, P. Hood, D. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 170 p.
2. Абдурахманова П. Д. Специфика обучения иностранному языку учащихся начальных классов в контексте современных требований в области образования // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57). С. 241–242.
3. Браже Т. Г. Интеграция предметов в современной школе. М., 1996. 174 с.

4. Вавилова Л. Н. Интегрированный урок: особенности, подготовка, проведение // Образование. Карьера. Общество. 2017. № 3 (54). С. 46–51.
5. Гузикова В. В. Предметно-языковое интегрированное обучение как методика активизации процесса обучения иностранному языку // Научный компонент. 2019. № 2(2). С. 169–173.
6. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
7. Каясова Т.А. Изучение концепта «Мир детства. Дружба» на интегрированных уроках в начальной школе // Вестник ОГУ. 2012. № 2 (138). С. 72–77.
8. Криволапова Е. В. Интегрированный урок как одна из форм нестандартного урока // Инновационные педагогические технологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015). Казань: Бук, 2015. С. 113–115.
9. Кузьмина А. А., Донева Т.Д. Интегрированный урок в контексте предметности обучения // Школьные технологии. 2014. № 3. С. 119–127.
10. Мецгер А. Р. Обучение английскому языку на основе интегрированного подхода // Актуальные вопросы современного иноязычного образования: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Издательство: Армавирский государственный педагогический университет, 2020. С. 54–62.
11. Миркович И. А. Интегрированное обучение иностранным языкам как педагогическая проблема // Научные записки. Серия: педагогика. 2014. № 4. С. 105–110.
12. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. М.: Академия, 2002. 576 с.
13. Соколова С. Г. Особенности организации интегрированных уроков в начальной школе // Вестн. ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2017. № 3 (95). Ч. 1. С. 166–172.
14. Сулова Э. А., Тарасюк Н. А. Образовательные возможности интегрированного обучения на занятиях по иностранному языку // Ученые записки. Электронный науч. журн. Курского гос. ун-та. 2020. № 1 (53).
15. Усачева Н.Г. Интегрированный урок как средство реализации межпредметных связей в современном обучении иностранному языку // Сборник научных и творческих работ. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2014. С. 103–106.

References

1. Coyle, D. (2010) *CLIL: Content and language Integrated Learning* D. Coyle, P. Hood, D. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 170 p. (In English).
2. Abdurahmanova, P. D. (2016) *Specifika obucheniya inostrannomu yazyku uchaschihsya nachal'nyh klassov v kontekste sovremennyh trebovanij v oblasti obrazovaniya* [Specificity of teaching a foreign language to primary school students in the context of modern requirements in the field of education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education]. Vol. № 2 (57). Pp. 241–242. (In Russian).
3. Brazhe, T. G. (1996). *Integraciya predmetov v sovremennoj shkole* [Integration of subjects in the modern school]. M. 174 pp. (In Russian).
4. Vavilova, L. N. (2017) *Integrirovannyj urok: osobennosti, podgotovka, provedenie* [Integrated lesson: features, preparation, conduct]. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo* [Education. Career. Society]. Vol. № 3 (54). Pp. 46–51. (In Russian).

5. Guzikova, V. V. (2019). *Predmetno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie kak metodika aktivizatsii processa obucheniya inostrannomu yazyku* [Subject-linguistic integrated learning as a methodology for enhancing the process of teaching a foreign language]. *Nauchnyj component* [Scientific component]. Vol. № 2 (2). Pp. 169–173. (In Russian).
6. Zimnyaya, I. A. (1991) *Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole* [Psychology of teaching foreign languages at school]. M.: Prosveshchenie. 222 pp. (In Russian).
7. Kayasova, T. A. (2012) *Izuchenie kontsepta «Mir detstva. Druzhba» na integrirovannykh urokakh v nachal'noi shkole* [The study of the concept "The World of Childhood. Friendship" at integrated lessons in elementary school]. *Vestnik OGU* [Orenburg State University Vestnik]. Orenburg: № 2 (138). Pp. 72–77. (In Russian).
8. Krivolapova, E. V. (2015) *Integrirovannyj urok kak odna iz form nestandardnogo uroka* [Integrated lesson as one of the forms of a non-standard lesson]. *Innovacionnye pedagogicheskie tekhnologii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Innovative pedagogical technologies: materials of the II Intern. scientific. conf. (Kazan, May 2015)]. Kazan': Buk. Pp. 113–115. (In Russian).
9. Kuz'mina, A. A., Doneva, T. D. (2014) *Integrirovannyj urok v kontekste predmetnosti obucheniya* [Integrated lesson in the context of teaching subject]. *SHkol'nye tekhnologii*. [School technologies]. Vol. № 3. Pp. 119–127. (In Russian).
10. Mecge,r A. R. (2020) *Obuchenie anglijskomu yazyku na osnove integrirovannogo podhoda* [Teaching English based on an integrated approach]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya Materialy II Vseros. nauch.-praktich. konf. Izdatel'stvo: Armavirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet* [Actual problems of modern foreign language education. Materials of the II All-Russia. scientific-practical conf.]. Pp. 54–62. (In Russian).
11. Mirkovich, I. A. (2014) *Integrirovannoe obuchenie inostrannym yazykam kak pedagogicheskaya problema* [Integrated teaching of foreign languages as a pedagogical problem]. *Nauchnye zapiski. Seriya: pedagogika* [Scientific notes. Series: pedagogy]. Vol. № 4. Pp. 105–110. (In Russian).
12. *Pedagogika: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij* (2002) [Pedagogy: textbook. manual for stud. higher. ped. study. institutions]. Slastenin V.A., Isaev I.F., SHiyarov E.N. M.: Akademiya. 576 pp. (In Russian).
13. Sokolova, S. G. (2017) *Osobennosti organizatsii integrirovannykh urokov v nachal'noj shkole* [Features of the organization of integrated lessons in primary school]. *Vestnik CHGPU im. I. YA. YAKovleva* [Bulletin of ChGPU im. AND I. Yakovleva]. Vol. № 3 (95). CH.1 Pp. 166–172. (In Russian).
14. Suslova, E. A., Tarasyuk, N. A. (2020) *Obrazovatel'nye vozmozhnosti integrirovannogo obucheniya na zanyatiyah po inostrannomu yazyku* [Educational opportunities of integrated learning in foreign language classes]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University] Vol. № 1 (53). (In Russian).
15. Usacheva, N. G. (2014) *Integrirovannyj urok kak sredstvo realizatsii mezhpredmetnykh svyazej v sovremennom obuchenii inostrannomu yazyku* [An integrated lesson as a means of implementing intersubject connections in modern teaching a foreign language]. *Sbornik nauchnykh i tvorcheskikh rabot* [Collection of scientific and creative works]. Elec: Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I.A. Bunina. Pp. 103–106. (In Russian).

В. А. Левченко

Использование фразеологических единиц в преподавании китайского языка

В статье рассматриваются возможности использования фразеологических единиц в обучении китайскому языку. Фразеологические единицы отражают особенности культуры, традиции и историю страны изучаемого языка, способствуют лучшему пониманию национальной ментальности. Изучение фразеологических единиц позволяет повысить эффективность обучения китайскому языку.

Ключевые слова: китайский язык, фразеологические единицы, обучение, лингвистика, межкультурная коммуникация.

Veronika A. Levchenko

The use of phraseological units in the teaching of Chinese

The article presents the possibilities of using phraseological units in teaching Chinese. Phraseological units reflect the characteristics of the culture, traditions and history of the country of studied language, contribute to better understanding of the national mentality. The study of phraseological units allows you to increase the effectiveness of teaching Chinese.

Key words: Chinese language, phraseological units, traditions, history, studied language.

Последнее десятилетие характеризуется возросшим интересом к изучению китайского языка, что подтверждается увеличением числа общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, в программах которых он присутствует. Действующие Федеральные государственные образовательные стандарты предъявляют высокие требования к уровню сформированности иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, один из составляющих компонентов которой предполагает овладение совокупностью знаний о культуре страны изучаемого языка.

Особая значимость решения данной задачи уделяется в подготовке специалистов, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с использованием иностранного языка и предполагает регулярные межкультурные

контакты. Будущему лингвисту, переводчику, преподавателю для успешной профессиональной деятельности необходимы не только знания лексики, грамматики, фонетики, но и обширные фоновые знания о культуре страны изучаемого языка. Значимое место в этой связи занимает изучение фразеологии, в которой ярко выражена национально-культурная семантика.

Важнейшей функцией фразеологических единиц является хранение культурной информации и передача ее от поколения к поколению. Фразеологические единицы позволяют лучше понять культуру и историю страны изучаемого языка, менталитет ее народа. По одному из имеющихся определений, фразеологическая единица представляет собой «лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [1].

Изучение фразеологизмов является достаточно сложным процессом из-за немотивированности их значения и невозможности дословного перевода. История Китая, специфика иероглифической письменности и традиции китайской культуры привели к тому, что в языке имеется значительное количество фразеологических единиц. Они широко используются в политическом и юридическом дискурсе, деловой корреспонденции, новостных и рекламных объявлениях. С ними можно встретиться при чтении различных типов текстов, особенно художественных, где они придают яркую стилистическую окраску и образность.

Использование фразеологических единиц в устном общении делает речь более выразительной и эмоционально окрашенной. Недостаточные знания фразеологических единиц вызывают трудности при решении коммуникативных задач и препятствуют глубокому проникновению в смысл прочитанного или услышанного текста на китайском языке. Перевод фразеологических единиц вызывает сложности и требует специально организованной работы по формированию таких умений.

В китайском языке существует несколько видов фразеологизмов, одним из которых является чэньюй, представляющий собой устойчивое, чаще четырехсловное фразеологическое сочетание, являющееся семантически монолитным и имеющим обобщенно переносное значение. Источниками многих из них являются мифы и легенды, исторические хроники, художественная литература, философские трактаты, в некоторых из них есть скрытый смысл и подтекст, поэтому вырванные из контекста они не всегда понятны. Например, использовавшийся в древности для приготовления еды металлический треножник (鼎) вошел в состав чэньюя «钟鸣鼎食» (жить богато).

Проведенный анализ показал наличие фразеологических единиц в разных видах дискурса, в том числе юридическом: 不打自招 (невольно выдать себя), 打虎拍蝇 (бороться с коррупцией на всех уровнях), 家贼难防 (от домашнего вора не скрыться). Приведем несколько примеров фразеологических единиц, выделенных нами в юридическом дискурсе.

Фразеологизм 恶人先告状 имеет значение «виновный жалуется первым, ответчик первым подает иск» и используется в следующем предложении: 他为了推卸责任,肯定会恶人先告状,所以我们要马上报警. Значение данного фразеологизма заключается в том, что для того, чтобы переложить ответственность на другого человека, он всегда жалуется первым, поэтому следует как можно скорее сообщить в полицию.

Фразеологизм 编故事 отражает значение «выдумывать историю, лгать, фальсифицировать факты» и встречается в таком предложении, как «这个罪犯以为警方没有证据,所以他一直在编故事,不说一句真话». Его значение состоит в том, что преступник считает, что у полицейских нет каких-либо доказательств, поэтому он все время лжет и не сказал ни одного правдивого слова.

Примечательно, что в национальной культуре определенный цвет выступает как своеобразный идентификатор, и с этой точки зрения обращение к фразеологическим единицам также имеет несомненную значимость в контексте более глубокого ее понимания. Например, красный цвет в китайской культуре символизирует многие положительные факты и явления.

С позиции культурологического подхода обращение к фразеологии изучаемого языка помогает приобрести лингвострановедческие знания, лучше понимать менталитет носителей языка, традиции, обычаи, система ценностей и национальный характер. В литературе представлены и описаны различные способы семантизации фразеологических единиц: перевод на родной язык, толкование, использование наглядности (фотографии, рисунки, слайды, шаржи, картинки), подбор синонимов и антонимов, обращение к контексту.

Анализ имеющихся работ позволил выделить разные виды упражнений с фразеологическими единицами, обращенные к их лексическому составу, грамматическим характеристикам, национально-культурному компоненту семантики. Приведем в качестве примера некоторые из них:

– поставьте слова в нужной последовательности, чтобы составить из них фразеологические единицы;

- прослушайте аудиофрагмент и подберите фразеологическую единицу, соответствующую ситуации;
- догадайтесь о значении фразеологизма из контекста;
- подберите эквиваленты фразеологических единиц в русском языке;
- вставьте подходящую по смыслу фразеологическую единицу в диалог;
- заполнить пропуски во фразеологических единицах;
- соедините фразеологизмы с картинками, пытаясь догадаться о их значении;
- составьте предложения, используя фразеологические единицы;
- закончите высказывания, используя подходящее фразеологическое выражение.

Итак, проблемы взаимоотношения языка и культуры продолжают сохранять свою актуальность в методике обучения иностранным языкам. В последние годы значительно возрос интерес к различным аспектам преподавания китайского языка, одним из которых является обучение переводу фразеологических единиц.

Своеобразие национальной культуры особенно ярко представлено в лексическом составе языка, в частности, фразеологии. Фразеологические единицы вызывают значительную сложность в обучении иностранному языку, т.к. в них отражается исторический и культурный опыт народа, своеобразие его быта, обычаи и традиции. Знакомство с фразеологическими единицами способствует не только расширению словарного запаса обучающихся, но и формированию их социокультурной компетенции.

Список литературы

1. Словарь-справочник лингвистических терминов. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. М.: Просвещение, 1976 [Электронный ресурс]. URL: dic.academic.ru.

References

1. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Rozental' D. E., Telenkova M. A. [Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Prosveshchenie, 1976 [Elektronnyj resurs]. URL: dic.academic.ru. (In Russian).

Сведения об авторах

Балашова Наталья Николаевна, магистрант, Московский городской педагогический университет (Российская Федерация, Москва); e-mail: home_sade@mail.ru

Васильева Анастасия Эдуардовна, ассистент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Российская Федерация, Санкт-Петербург); e-mail: anastasia_vasil96@mail.ru; ORCID ID 0000-0003-2487-3853

Вигерина Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Российская Федерация, Санкт-Петербург); e-mail: livigerina@yandex.ru

Жиркова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Российская Федерация, Санкт-Петербург); e-mail: manp@mail.ru; ORCID ID 0000-0003-4107-6944

Красникова Олеся Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Российская Федерация, Санкт-Петербург); e-mail: oln.krasnikova@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-5660-524X

Левченко Вероника Александровна, преподаватель, Санкт-Петербургский техникум железнодорожного транспорта (Российская Федерация, Санкт-Петербург); e-mail: levchenko-nika27@mail.ru

Хефни Халфалла Абдельхафиз Хафиз, аспирант филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, Санкт-Петербург); ORCID ID 0000-0002-4394-0161

Ягодкина Марьяна Валериевна, доктор филологических наук, зав. кафедрой рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Российская Федерация, Санкт-Петербург); e-mail: kafreklama@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-4244-4166

About Authors

Balashova Natal'ya N., master's st., Moscow City Pedagogical University (Russian Federation, Moscow); e-mail: home_sade@mail.ru

Vasil'eva Anastasiya E., Assistant of the Department of Journalism and Literary Education, Pushkin Leningrad State University (Russian Federation, St. Petersburg); e-mail: anastasia_vasil96@mail.ru; ORCID ID 0000-0003-2487-3853

Vigerina Lyudmila I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education, Pushkin Leningrad State University (Russian Federation, St. Petersburg); e-mail: livigerina@yandex.ru

Zhirkova Marina A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education, Pushkin Leningrad State University (Russian Federation, St. Petersburg); e-mail: manp@mail.ru ORCID ID 0000-0003-4107-6944

Krasnikova Olesya N., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Journalism and Literary Education, Pushkin Leningrad State University (Russian Federation, St. Petersburg); e-mail: oln.krasnikova@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-5660-524X

Levchenko Veronika A., Lecturer; St. Petersburg Technical School of Railway Transport (Russian Federation, St. Petersburg); e-mail: levchenko-nika27@mail.ru

Yagodkina Mar'yana V., Doctor of Philology, Head of the Department of Advertising and Public Communications, Pushkin Leningrad State University (Russian Federation, St. Petersburg); e-mail: kafreklama@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-4244-4166

Hefni Khalfallah Abdel Hafiz, PhD Student, Faculty of Philology, St. Petersburg State University (Russian Federation, St. Petersburg); ORCID ID 0000-0002-4394-0161

Требования к оформлению статей, представленных для публикации в научном журнале «Art Logos»

К публикации в журнале «Art Logos» принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современного научного знания в области филологии.

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи.

Русские источники необходимо **транслитерировать**, для автоматической транслитерации использовать программу на сайте <http://www.translit.ru>, вариант **BGN (Board of Geographic Names)**.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК и код ГРНТИ.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом не менее 1000 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

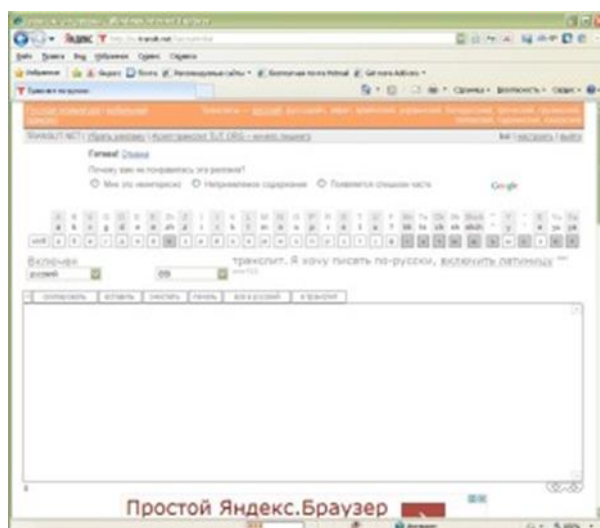
Примеры оформления библиографического описания различных источников и алгоритм их подготовки

Для транслитерации русского текста в латиницу в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>. Обязательно использовать системы **автоматического** перевода кириллицы в романский алфавит; **не делать транслитерацию вручную**. Это позволит избежать ошибок транслитерации.

Перевод названия на английский можно сделать, например, с помощью программы «Переводчик Google» (<https://translate.google.ru>).

Краткая схема процесса преобразования ссылки:

1. Входим в программу **Translit.ru**. Выбираем вариант (BSI), получаем изображение всех буквенных соответствий. Вставляем в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажимаем кнопку «в транслит».

2. Копируем транслитерированный текст в готовящийся список References.

3. Переводим с помощью переводчика Google все описание источника, кроме авторов (название книги, статьи, постановления и т.д.) на английский язык, переносим его в готовящийся список (за транслитерированным названием). Перевод, безусловно, требует редактирования, поэтому эту часть необходимо готовить человеку, понимающему английский язык.

4. Объединяем описания в транслите и переводное, оформляя в соответствии с принятыми правилами. При этом необходимо раскрыть сокращения в указании места издания (Moscow и St. Petersburg) и исправить обозначение страниц на английский язык (вместо 1072 s. – 1072 p.).

5. Курсивом выделяем название источника и ссылка готова.

Пример:

Кочукова Е.В. Павлова О.В. Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: сб. науч. тр. / Калёнов Н.Е. (ред.). – М.: Научный Мир, 2009. – 342 с. – С. 190–199.

Вставляем в программу Translit, получаем:

Kochukova E.V. Pavlova O.V. Raftopulo Iu.B. Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh // Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr. – M.: Nauchnyi Mir, 2009. – S. 190–199.

Преобразуем транслитерированную ссылку:

1) убираем специальные разделители между полями (“/”, “–”);

2) в квадратных скобках после транслитерации пишем перевод заглавия статьи и названия источника на английский язык;

3) пишем на английском языке полное место издания и обозначение страниц (издательство оставляет транслитерированным). Издательство лучше обозначать добавлением слова Publ. (факультативно).

4) конечный результат:

Kochukova E.V. Pavlova O.V. Raftopulo Iu.B. *Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh* [The peer review system in the information providing of scientists] *Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr. 57* [Information Support of Science. New Technologies: Collected papers]. Moscow: Nauchnyi Mir Publ., 2009, pp. 190–199.

Научный журнал

ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)

№ 1(18)

Оригинал-макет Н. П. Никитиной

Подписано в печать 24.03.2022. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1771

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10